

ISSN: 3033-6899

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

COMPREHENSIVE RESEARCH AND INNOVATION

№ 2 / 2025

<https://cri-journal.com/>

Главный редактор журнала:

Братановский Сергей Николаевич, д.ю.н., профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Ахатов Уалихан Акыпбекович, кандидат юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Бажина Мария Анатольевна, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

Балашенко Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и аграрного права, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Белов Валерий Александрович, кандидат юридических наук, самозанятый специалист
Девлеминк Дэвид Дж., кандидат юридических наук, Университет Чунцина, Чунцин, Китай

Запико Сара С., PhD, доцент, Технологический институт Нью-Джерси, Ньюарк, США

Кешнер Мария Валерьевна, доктор юридических наук, юридический факультет, Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Лысаковский Григорий Антонович, кандидат юридических наук, доцент кафедры права интеллектуальной собственности, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Маличенко Владислав Сергеевич, доктор юридических наук, отдел социального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Россия

Мант Джесс, PhD (докторантура), Юридическая школа Монаша, Мельбурн, Австралия

Микрюков Виктор Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Мороз Олег, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Нахова Елена Александровна, доктор юридических наук, кафедра гражданского процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия

Печинская Елена, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Пилипенко Александр Анатольевич (дублирование), кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления

Подшивалов Тихон Петрович, доктор юридических наук, Южно-Уральский государственный университет, Юридический институт, Челябинск, Россия

Протасавицкий Сергей, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Раджам Ниту, PhD, Копенгагенский университет, Копенгаген, Дания

Редько Александр Александрович, доктор юридических наук, Волгоградская академия МВД РФ, Волгоград, Россия

Смагина Елена Сергеевна, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданско-процессуального и трудового права, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Танимов Олег Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Танимов Олег Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва

Толочко Ольга Николаевна, доктор юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Турсынкулова Динара Ахановна, кандидат юридических наук, старший преподаватель, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Фаст Ольга Фёдоровна, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет просвещения, Москва, Россия

Чаудхари Шраддха, PhD, доцент юридического факультета, Университет BML Munjal, Гургаон, Индия

Щербик Дмитрий, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: [https:// cri-journal.com/](https://cri-journal.com/)

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90282

ISSN: 3033-6899

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Comprehensive research and innovation, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

5.1.5. Международно-правовые науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Comprehensive research and innovation» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Comprehensive research and innovation» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Bratanovsky Sergey Nikolayevich, Doctor of Laws, Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Akypbekovych Akhatov Ualikhan, PhD in Law, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Bazhina Maria Anatolyevna, Doctor of Laws, Professor, Department of Business Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Balashenko Sergey Aleksandrovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Environmental and Agrarian Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Belov Valeriy Aleksandrovich, PhD in Law, Independent Researcher

Devlaeminck David J., PhD in Law, Chongqing University, Chongqing, China

Zapico Sara C., PhD, Associate Professor, New Jersey Institute of Technology, Newark, USA

Keshner Maria Valeryevna, Doctor of Laws, Faculty of Law, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Lysakovskiy Grigoriy Antonovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Intellectual Property Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Malichenko Vladislav Sergeevich, Doctor of Laws, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mant Jess, PhD Candidate, Monash Law School, Melbourne, Australia

Mikryukov Viktor Alekseevich, Doctor of Laws, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Maroz Aleh, PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Nakhova Elena Aleksandrovna, Doctor of Laws, Department of Civil Procedure Law, Russian State University of Justice, North-West Branch, Saint Petersburg, Russia

Pechinskaya Elena, PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pilipenko Aleksandr Anatolyevich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Public Administration

Podshivalov Tikhon Petrovich, Doctor of Laws, Law Institute, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Protasavitskiy Sergey, PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Rajam Neethu, PhD in Law, University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark

Redko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Laws, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

Smagina Elena Sergeevna, Doctor of Laws, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tanimov Oleg Vladimirovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Tanimov Oleg Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Tolochko Olga Nikolayevna, Doctor of Laws, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Tursynkulova Dinara Akhanovna, PhD in Law, Senior Lecturer, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Fast Olga Fyodorovna, PhD in Law, Associate Professor, State University of Education, Moscow, Russia

Chaudhary Shraddha, PhD, Associate Professor, School of Law, BML Munjal University, Gurgaon, India

Shcherbik Dmitry, PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: [https:// cri-journal.com-journal.com/](https://cri-journal.com-journal.com/)

Media registration number: No. FS77-90282

ISSN: 3033-6899

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Comprehensive research and innovation, 2025 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

5.1.3. Private law (civil) sciences

5.1.5. International Legal Sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Comprehensive research and innovation" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Comprehensive research and innovation" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки	9
Шошин С.В. О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА.....	9
Шидловский А.В. НЕФОРМАЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА КОНТРОЛИРУЮЩИМ ОРГАНИЗАЦИЮ	20
Чугунов А.А. ОСПАРИВАНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО ОТКАЗА СТРАХОВЩИКА ОТ ВЫПЛАТЫ СТРАХОВОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ ПО ДОГОВОРУ ОСАГО	31
Углицких Д.В. О НЕКОТОРЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ РИСКАХ НАНИМАТЕЛЯ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ	41
Рэй И. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРЕБОВАНИЙ К ПОРЯДКУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ЗАЙМА.....	53
5.1.5. Международно-правовые науки	63
Наумов В.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА ОТНОСИТЕЛЬНО ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ В РОССИИ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СУДОВ	63
Лю Ю-С. ЛИШЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	75
Ло Ц.-И. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ИСКУССТВЕННЫХ ОСТРОВОВ.....	86
Кларк В. НЕРАТИФИЦИРОВАННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОРА: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ	96
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки	108
Дайшутов М.М. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЯ	108
Гавриилидес Т. О ДОПУСТИМОСТИ ИЗЪЯТИЙ ИЗ ПРИНЦИПА РАВНОПРАВИА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РАМКАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	119
Джохурун Дж.Н. РАЗЛИЧИЯ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАВОВЫХ ДОКТРИН	131
Клечковска А. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ ЭЛЕМЕНТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕЖИМА.....	142

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 347.23

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

**Шошин Сергей Владимирович, к.ю.н., доцент, ФГБОУВО "Саратовский
национальный исследовательский государственный университет имени
Н.Г.Чернышевского", mmdaishutmvd@gmail.com**

Аннотация

Статья затрагивает одну из серьёзнейших проблем отечественного гражданского права, связанную с защитой прав собственности добросовестного приобретателя. В действующем законодательстве уделяется недостаточное внимание правам приобретателей ТС, в результате чего нередко имеют место ситуации, когда гражданин вынужден оспаривать отказ в регистрации ТС или изъятие ТС в пользу предыдущего собственника. При этом законодательство не предусматривает какого-либо алгоритма или перечня действий, в случае совершения которых однозначно бы обеспечивалась возможность признания добросовестным приобретателем и защита права собственности. С учётом выявленных проблем автором предлагается предусмотреть законодательно перечень действий, совершение которых позволяло бы приобретателю рассчитывать на его признание добросовестным, в том числе в случае возможного возникновения судебного спора. Также предлагается поставить в зависимость возможность получения денежных средств продавцом ТС от возможности государственной регистрации ТС покупателем. Помимо того, предложено внедрить идею о государственной компенсации в пользу добросовестных приобретателей в тех случаях, когда из их владения изымается

ТС в пользу первоначального собственника. Такая практика имеет место в сфере купли-продажи жилья.

Ключевые слова: добросовестный приобретатель, защита собственности, критерии добросовестности, купля-продажа автомобиля, право собственности добросовестного приобретателя, приобретение транспортного средства

Статья поступила в редакцию 24.06.2025, одобрена после рецензирования 19.08.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

ABOUT SOME DIFFICULTIES IN PROTECTING THE PROPERTY RIGHTS OF A BONA FIDE VEHICLE BUYER

Shoshin Sergey Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor, Saratov State National Research University named after N.G. Chernyshevsky

Abstract

The article touches upon one of the most serious problems of domestic civil law related to the protection of the property rights of a bona fide acquirer. The current legislation pays insufficient attention to the rights of vehicle purchasers, as a result of which there are often situations when a citizen is forced to challenge the refusal to register a vehicle or the withdrawal of a vehicle in favor of the previous owner. At the same time, the legislation does not provide for any algorithm or list of actions, in the case of which the possibility of recognition as a bona fide acquirer and protection of property rights would be unambiguously ensured. Taking into account the identified problems, the author proposes to provide by law a list of actions that would allow the acquirer to expect to be recognized in good faith, including in the event of a possible legal dispute. It is also proposed to make the possibility of receiving funds by the seller of the vehicle dependent on the possibility of state registration of the vehicle by the buyer. In addition, it is proposed to introduce the idea of state compensation in favor of bona fide

purchasers in cases where a vehicle is withdrawn from their possession in favor of the original owner. This practice takes place in the field of housing purchase and sale.

Keywords: bona fide acquirer, protection of property, criteria of good faith, purchase and sale of a car, ownership of a bona fide acquirer, purchase of a vehicle

Введение

Транспортные средства (далее – ТС), в том числе автомобили, являющиеся, как правило, относительно дорогостоящими объектами права собственности, требуют особо пристального внимания в плане правового регулирования и обеспечения правоприменительной практики. И законодатель, учитывая этот нюанс, достаточно детально урегулировал соответствующие аспекты, приняв Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ (ред. от 08.07.2024) «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Тем не менее, на момент написания данной статьи продолжают оставаться крайне актуальными вопросы защиты прав добросовестных приобретателей ТС, ставящие зачастую под сомнение неприкосновенность частной собственности, гарантированную Конституцией РФ [1] и гражданским законодательством, развивающим идеи не только неприкосновенности частной собственности, но и защиты интересов добросовестных приобретателей.

Основная часть

Предельно внимательно к вопросам правовой охраны интересов добросовестного приобретателя законодатель подошёл в рамках гражданско-правового регулирования, о чем можно сделать вывод, обратившись к ст. 302 Гражданского кодекса РФ [2] (ГК РФ), где представлен ряд положений в целом, создающих относительно некоторые гарантии для такого рода приобретателей.

Приоритетное значение интересам добросовестного приобретателя законодатель уделил применительно к случаям, когда речь идёт о деньгах и

ценных бумагах на предъявителя: они при любых обстоятельствах не могут быть истребованы у добросовестного приобретателя.

Аналогичный подход, хотя и несколько отличающийся, законодатель использует относительно правовой охраны добросовестных приобретателей жилого имущества. Причём на случай изъятия у них приобретённого жилья в пользу первоначального собственника, из владения которого жилье было неправомерно, законодательством предусматривается компенсация именно в пользу добросовестного приобретателя.

Такой подход нам видится максимально рациональным, обоснованным, заслуживающим всесторонней поддержки. Используя его, государство берет на себя весь груз ответственности за какие-либо нарушения, которые по тем или иным причинам произошли и повлекли неправомерное выбытие из владения собственника.

Однако принципиально иной ситуация предстаёт в случаях, когда речь идёт о любом другом имуществе, в том числе о ТС. Здесь политика законодателя не столь однозначна, как и практика правоприменения. И в целом общее правило таково, что собственник вправе истребовать своё имущество у добросовестного приобретателя, если такое имущество выбыло помимо его воли. Таким образом, дополнительных и прочных гарантий добросовестным приобретателям ТС российский законодатель не предусматривает, что позволяет прийти к двум выводам:

- 1) права добросовестного приобретателя ТС фактически всегда находятся под угрозой, поскольку в современных реалиях крайне трудно в полной мере обезопасить себя от разного рода рисков, связанных с приобретением ТС, выбывших из правомерного владения собственника помимо его воли;

- 2) законодатель в большей мере ориентирован на обеспечение правовой охраны интересов первоначального владельца (собственника); и если рассматривать ситуацию с этой точки зрения, то нельзя поставить под сомнение

нацеленность российской правовой политики на максимально последовательную охрану частной собственности, в том числе относительно ТС.

Надо сказать, что в значительной степени риски для добросовестного приобретателя ТС обусловлены острой криминогенной ситуацией в сфере торговли ТС. Поэтому совершенно справедливо в литературе отмечается, что абсолютное большинство криминального транспорта сбывается в условиях неочевидности [9, с. 213].

В последние годы в России предметом острых дискуссий стал вопрос легализации так называемого параллельного импорта, что, очевидно, должно решить проблему снабжения отечественного рынка качественными зарубежными автомобилями. И со сторонниками такой идеи трудно не согласиться, учитывая санкционное давление. Однако такой импорт является существенным фактором, повышающим риски для приобретателей транспортных ТС, причем именно зарубежного происхождения. В этих условиях ослабляется соответствующий контроль со стороны государства, стимулируется использованием разного рода мошеннических схем, складываются благоприятные условия для развития теневого сектора экономики [8, с. 526]. Очевидно, что в этих условиях упрощается и реализация транспорта, который незаконно выбыл из чьего бы то ни было правомерного владения.

Тем не менее, нельзя не признать того факта, что использование параллельного импорта в целом позволяет решить много многие экономически значимые задачи, в том числе и в сфере, связанной с обеспечением отечественного рынка качественными зарубежными ТС [8, с. 527]. Поэтому вопрос о пересмотре такого подхода в данном случае не ставится в контексте проблематики защиты интересов добросовестного приобретателя ТС.

Есть смысл обратиться к Закону № 283-ФЗ, который так или иначе оказывает влияние на рассматриваемую сферу правоотношений. В ст. 20 указанного Закона оговорён исчерпывающий перечень оснований, при наличии которых регистрационные действия в отношении автомобиля исключены:

- 1) невозможность идентификации ТС, если по определённым причинам отсутствует маркировка;
- 2) имеет место замена основного компонента с маркировкой на компонент, где маркировка отсутствует;
- 3) ТС было снято с учёта после утилизации;
- 4) регистрационные данные или конструкция ТС не соответствует сведениям, указанным в документах на ТС;
- 5) ТС находится в розыске (в целом, либо его компонент);
- 6) неуплата пошлины;
- 7) отсутствие у лица законных правомочий на регистрацию и т.д.

Таким образом, уже при регистрации могут иметь место проблемы и у добросовестного приобретателя. Однако, при условии принятия всех необходимых мер, которые так или иначе связаны с проверкой ТС, подавляющее большинство сложностей вполне возможно избежать. Тем не менее, судебная практика свидетельствует о том, что не все проблемы могут быть предотвращены, даже если субъект стремился проявить добросовестность и разумную предусмотрительность при заключении соответствующей сделки в отношении ТС.

Например, в Шестом кассационном суде общей юрисдикции в 2025 году рассматривалось одно из дел о признании добросовестным приобретателем гражданина. Однако суд в иске отказал, отметив, что при продаже и постановке на учёт автомобиля сторонами сделки не была соблюдена обязательная процедура снятия автомобиля с регистрационного учёта [6]. Таким образом, принципиально важно обеспечивать соблюдение всех нюансов установленной законом процедуры совершения сделки. И в этой связи уплата денежных средств в счёт приобретаемого и подписание с продавцом договора купли-продажи автомобиля не может быть расценено как достаточное основание, однозначно дающее право на приобретённое ТС.

В этой связи интересны и другие дела, например, рассмотренное в 2020 году Верховным судом РФ требование о признании добросовестным приобретателем автомобиля. В рамках данного дела истец, приобретя автомобиль и обратившись для его государственной регистрации, узнал о нахождении автомобиля в розыске. Более того, он получил встречный иск об истребовании автомобиля из незаконного владения. В этой ситуации дело было направлено на новое рассмотрение, поскольку третье лицо, реализовывавшее автомобиль по договору комиссии, само допустило грубейшие нарушения, которые не были учтены нижестоящими судами. В этом случае ключевым фактором, позволившим благополучно обжаловать отказ, стало именно нарушение со стороны третьего лица. Суд счёл, что отсутствие письменно заключённого договора свидетельствует не о неправомерном выбытии автомобиля из владения продавца, а о несоблюдении формы сделки [4].

Стоит сказать, что действующее законодательство не предусматривает ни исчерпывающего перечня действий, ни чёткого алгоритма, в соответствии с которыми гражданин, выступающий добросовестным приобретателем, должен (может) действовать, вступая в договорные отношения по поводу купли-продажи ТС. В этом видится проблема.

И здесь отметим, что в одном из дел, которое также рассматривалось в Верховном Суде РФ, изначально было отказано в признании гражданина добросовестным приобретателем ввиду того, что он не предпринял дополнительных мер по проверке приобретаемого имущества. Верховный Суд РФ занял другую позицию, обратив внимание, что проверка наличия в отношении ТС судебных споров на приобретателя не возлагается и не должна учитываться при разрешении вопроса о его добросовестности или недобросовестности [5].

В литературе обращается внимание на ряд принципиальных условий, исходя из которых суды оценивают добросовестность приобретателя ТС:

- 1) наличие доказательств права продавца права отчуждать имущество;

2) возмездный характер соответствующего договора;

3) совершение определённых действий, например, по проверке ТС;

4) в расчет берутся и признаки, которые могут свидетельствовать о незаконности выбытия имущества из владения предыдущего собственника [7].

Тем не менее, позиции судов, как и законодательство, а также подзаконное нормативное регулирование, весьма расплывчато отвечает на многие вопросы, которые касаются признания или непризнания лица добросовестным приобретателем.

Заключение

В условиях, когда действующее законодательство не определяет конкретных признаков добросовестности и действий, которые могут быть совершены покупателем и будут однозначно свидетельствовать о его добросовестности, а также необходимой предусмотрительности, целесообразно дополнить ГК РФ перечнем действий, которые потенциальный приобретатель может или должен совершить, чтобы быть уверенным в своей добросовестности.

Более того, возможно рассмотреть вопрос о пересмотре порядка постановки на государственную регистрацию ТС, предусмотрев возможность для продавца получить оплаты лишь при условии, если для регистрации отсутствуют какие-либо препятствия.

Возможно, также следует рассмотреть вопрос о государственной компенсации гражданам, которые были признаны добросовестными приобретателями ТС, но из владения которых ТС были изъяты в пользу первоначальных собственников. Подобный подход уже используется в сфере купли продажи жилой недвижимости.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета 1993. 26 дек.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст.3301.
3. Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ (ред. от 08.07.2024) «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. №32 (ч. I). Ст. 5076.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2020 № 18-КГ20-82-К4, 2-404/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=649178#L5fvPqUuAZljcqFl>
5. Определение Верховного Суда РФ от 13 апреля 2021 г. № 16-КГ21-2-К4 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400615781/>
6. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2025 № 88-3228/2025 (УИД 16RS0043-01-2023-007907-98) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=179664#2OK9OqUJAYHGGgRdS>
7. Аблятипова Н.А., Волкова И.Ю. Добросовестное приобретение от неуправомоченного лица: анализ понятия и системности правоприменительной практики // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 3. С. 74–81.
8. Еремин А.С. Правовые проблемы параллельного импорта автомобилей в Российской Федерации // Наукосфера. 2024. № 5-2. С. 523–527.
9. Лебедев А.С. Проблемы квалификации преступлений при сбыте похищенных транспортных средств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 3(31). С. 108–118.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta 1993. 26 dek.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St.3301.
3. Federal'nyj zakon ot 03.08.2018 № 283-FZ (red. ot 08.07.2024) «O gosudarstvennoj registracii transportnyx sredstv v Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2018. №32 (ch. I). St. 5076.
4. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17.11.2020 № 18-KG20-82-K4, 2-404/2019 // SPS «Konsul'tantPlyus». URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=649178#L5f vPqUuAZljcqFl>
5. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 13 aprelya 2021 g. № 16-KG21-2-K4 // SPS «Garant». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400615781/>
6. Opredelenie Shestogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 17.02.2025 № 88-3228/2025 (UID 16RS0043-01-2023-007907-98) // SPS «Konsul'tantPlyus». URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=179664# 2OK9OqUJAYHGgRdS>
7. Ablyatipova N.A., Volkova I.Yu. Dobrosovestnoe priobretenie ot neupravomochennogo licza: analiz ponyatiya i sistemnosti pravoprimenitel'noj praktiki // Ucheny'e zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2021. T. 7 (73). № 3. S. 74–81.
8. Eremin A.S. Pravovy'e problemy' parallel'nogo importa avtomobilej v Rossijskoj Federacii // Naukosfera. 2024. № 5-2. S. 523–527.

9. Lebedev A.S. Problemy` kvalifikacii prestuplenij pri sby`te poxishhenny`x transportny`x sredstv // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2024. № 3(31). S. 108–118.

Научная статья

УДК 347.19

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА КОНТРОЛИРУЮЩИМ ОРГАНИЗАЦИЮ

Шидловский Андрей Викторович, к.ю.н., доцент; декан юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, andshidlov.fac@bk.ru

Аннотация

Неформальные личные отношения, характеризующиеся нормативной неурегулированностью, являются весьма неоднозначной оценочной категорией, которая, тем не менее, используется в практике установления статуса контролирующего должника лица и бенефициарного владельца. Отсутствие в действующем отечественном законодательстве каких-либо норм, которые бы конкретизировали сущность данной категории, создает условия для необоснованно широкого толкования отдельных положений закона о признании лица контролирующим организацию-должника. Акты Верховного Суда РФ и Федеральной налоговой службы России в части оценки неформальных связей однозначного ответа на многие спорные вопросы не дают; более того, в них очевидны определённые противоречия: налоговый орган, как правило, более широко рассматривает неформальные личные отношения, как и их признаки. С учётом данной проблемы в статье предлагается дополнение Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» положениями, конкретизирующими перечень признаков, отражающих наличие неформальных личных отношений, которые должны или могут учитываться при решении вопроса о признании лица контролирующим организацию-должника. Также предлагается дополнить данный Федеральный закон ограничениями, не позволяющими субъектам правоприменительной деятельности чрезмерно широко трактовать неформальные отношения в указанном контексте.

Ключевые слова: банкротство, бенефициар, контролирующее должника лицо, неформальные личные отношения, ответственность контролирующего должника лица

Статья поступила в редакцию 15.07.2025, одобрена после рецензирования 30.09.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

INFORMAL PERSONAL RELATIONSHIPS AS A BASIS FOR RECOGNIZING A PERSON AS CONTROLLING AN ORGANIZATION

**Shidlovsky Andrey Viktorovich, Candidate of Law, Associate Professor; Dean of
the Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus**

Abstract

Informal personal relationships, characterized by regulatory unsettledness, are a very ambiguous evaluation category, which, nevertheless, is used in the practice of establishing the status of a controlling debtor and beneficial owner. The absence of any norms in the current domestic legislation that would specify the essence of this category creates conditions for an unreasonably broad interpretation of certain provisions of the law on recognizing a person as controlling a debtor organization. The acts of the Supreme Court of the Russian Federation and the Federal Tax Service of Russia regarding the assessment of informal relationships do not provide an unambiguous answer to many controversial issues; moreover, certain contradictions are obvious in them: the tax authority, as a rule, considers informal personal relationships more broadly, as well as their signs. Taking into account this problem, the article proposes to supplement the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" with provisions specifying the list of signs reflecting the existence of informal personal relationships that should or can be taken into account when deciding whether to recognize a person as controlling a debtor organization. It is also proposed to

supplement this Federal Law with restrictions that prevent law enforcement entities from overly broadly interpreting informal relations in this context.

Keywords: bankruptcy, beneficiary, controlling debtor, informal personal relationships, responsibility of controlling debtor

Введение

На протяжении многих лет постсоветской истории России в рамках права юридических лиц имела место достаточно серьёзная проблема, выражающаяся в существенной ограниченности возможностей выявления бенефициаров компаний в случаях выявления явных нарушений законодательства, особенно в ситуациях банкротства или преднамеренного занижения налогооблагаемой базы. С 2014 г. данная проблема стала решаться достаточно последовательно. Так, в 2014 г. Гражданский кодекс РФ [1] был дополнен ст. 53.1, упоминающей «лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица», в далее были внесены дополнения в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» [2] (далее – Закон № 127-ФЗ), внедрившие такую категорию, как «контролирующее должника лицо» (далее – КДЛ). В связи с этим были определены и соответствующие признаки, на основе которых появилась возможность выявлять соответствующих лиц для привлечения к ответственности. Однако, некоторые проблемы остались не в полной мере решёнными, и одна из них касается обоснования принадлежности субъекта правоотношений к категории КДЛ исходя из наличия неформальных личных связей с организацией, ее её номинальными руководителями, учредителями.

Основная часть

Сущность неформальных личных отношений в нормах действующего законодательства не раскрывается, и этот правовой пробел определённо осложняет рассмотрение избранной проблематики. Однако в научной

литературе сложились достаточно отчётливые представления о том, что же собой представляют неформальные личные отношения.

К ним относится именно та категория межличностных отношений, которая не зависит напрямую от установленных правил и норм. И если говорить именно о юридических лицах, то к неформальным личным отношениям в контексте их деятельности можно отнести любые коммуникации, не имеющие правовой регламентации в соответствующих официальных документах, возникающие произвольно, зачастую спонтанно, не имеющие определённого срока [10, с. 131].

Конечно, рассматриваемое понятие можно трактовать и в других аспектах, однако здесь важно именно обозначить их суть. Что же касается отдельных нюансов, они должны рассматриваться применительно к избранной теме на примере конкретных, юридически значимых документов, поскольку речь идёт именно о юридически значимых фактах и обстоятельствах деятельности организации. Но в конечном итоге оценка личных неформальных отношений сводится к поиску ответа на вопрос о возможности определять действия должника, не пребывая с ним в формальных связях.

Здесь уместно обратить внимание на Закон № 127-ФЗ, ст. 61.10 которого уточняет понятие КДЛ и в ч. 5 позволяет признавать такой статус за субъектами «по иным основаниям». Указанная норма по своему буквальному смыслу наделяет арбитражный суд и, очевидно, иные органы, уполномоченные решать задачи правоприменительного характера, достаточно широкими возможностями для усмотрения и трактовки тех или иных обстоятельств в качестве иных оснований. И здесь безусловно не последнее место занимают личные неформальные отношения.

Отсутствие нормативного определения рассматриваемого понятия заставляет нас обратиться к актам суда высшей инстанции, коим является Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ). В Постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [3] даны

некоторые разъяснения относительно рассматриваемых правоотношений. В частности, ВС подчеркнул возможность осуществления фактического контроля над организацией вне зависимости от наличия или отсутствия формально-юридических признаков аффилированности. И о такой возможности могут свидетельствовать:

- родство или свойство с лицами, входящими в состав органа должника;
- прямое или опосредованное участие в капитале;
- прямое или опосредованное участие в управлении и т.д.

То есть круг признаков, которые так или иначе свидетельствуют или могут свидетельствовать о наличии неформальных связей, фактически не ограничен не только законом, но и судом.

Тем не менее, ВС РФ в указанном Постановлении подчеркнул, что «Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника».

То есть сам факт наличия тех или иных отношений, том числе имеющих неформальный характер, не может квалифицироваться однозначно как признак, позволяющий признать субъекта в качестве КДЛ. Думается, это одно из немногих ограничений, которое в свою пользу может использовать соответствующий гражданин, оспаривая неформальные основания для признания статуса КДЛ.

Более того, не являются достаточными основаниями для признания лица в качестве КДЛ и некоторые формальные связи с организацией, в частности, передача полномочий на совершение от имени должника тех или иных действий, на что тоже указано в рассматриваемом Постановлении Пленума ВС РФ.

Данная позиция в целом может рассматриваться как общепринятая и ни научным сообществом, ни законодателем не оспаривается. Солидарны и мы с ней. Однако совершенно иное мнение относительно возможности признания за

субъектом статуса КДЛ ввиду наличия неформальных отношений высказано в Письме ФНС России. Согласно позиции указанного ведомства, учтены и рассмотрены в качестве оснований для признания лица как КДЛ могут служить любые неформальные личные отношения, в том числе:

- совместное проживание (в том числе состояние в т.н. гражданском браке);
- длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба);
- совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и т.п. [7].

Примечательно, что в указанном письме акцент был сделан на возможности установления соответствующих обстоятельств оперативно-розыскными мероприятиями.

Интересно, что в рассматриваемом письме ФНС России упомянуто и такое понятие, как «гражданский брак», хотя де-юре его не принято рассматривать в качестве основания возникновения каких-либо юридически значимых отношений. И в этом смысле видятся весьма существенные противоречия.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что, например, совместная служебная деятельность может быть, по своей сути, совершенно различной, в том числе не предполагать наличия каких-либо объективных связей. Например, два гражданина, проходя службу в одно подразделение, могут фактически между собой могут не взаимодействовать, в зависимости от специфики службы. Более того, продолжительность совместной службы может быть совершенно различной и никоим образом не способствовать установлению определённого тесного контакта, который бы позволил вести совместную деятельность, однако, исходя из признаков, выделенных в письме ФНС России, это существенной роли не играет. Сам факт даже косвенных отношений может быть истолкован как признак наличия неформальных личных отношений, присущих КДЛ.

Примечательно, что ни в официальных опубликованных документах ФНС России, ни в источниках законодательства, ни в подзаконных нормативных

правовых актах не говорится о том, в каких случаях подобного рода взаимосвязи могут быть или должны быть расценены как не свидетельствующие о возможности лица определять действия должника. То есть гипотетически можно предположить, что в любой ситуации наличие подобного рода взаимоотношений неформального характера может быть расценено как основание или повод для признания субъекта контролирующим.

В литературе обычно признается тот факт, что ВС РФ, обозначив свою позицию относительно неформальных личных отношений КДЛ, задал более высокий стандарт доказывания [9, с. 153]. Данное обстоятельство можно оценить лишь положительно. Однако, учитывая позицию ФНС России, вопрос оценки неформальных отношений в контексте выявления КДЛ пока остается открытым.

В контексте сказанного уместно обратиться и к Определению ВС РФ от 28.03.2019 № 305-ЭС18-17629(2), в котором было отмечено, что учитывая объективную сложность получения кредиторами отсутствующих у них прямых доказательств неформальной аффилированности, суды обязаны принимать во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств. Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении группы лиц, в силу ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ бремя доказывания обратного переходит на предъявившего требование кредитора, ссылающегося на независимый характер его отношений с должником [4].

Нельзя не признать, что отношения, имеющие неформальный характер, возможны как де-юре, так и де-факто в рамках юридически урегулированных договорных правоотношений. Во всяком случае, это следует из отдельных судебных актов. Так, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд признал, что недостаточно детальной регламентации обязательств сопутствует установление неформального порядка взаимоотношений его сторон [5]. Это определённо усложняет понимание сути неформальных личных отношений.

Однако. изучение некоторых источников судебной практики рассмотрения дел существу многие признаки, отражающие наличие неформальных отношений, позволяет выявить. Причем речь идёт зачастую именно о косвенных доказательствах. Например, Арбитражный суд г. Москвы, рассматривая одно из дел, обратил внимание на достаточно широкий круг косвенных, но взаимосвязанных признаков, свидетельствующих об аффилированности двух организаций. В частности, было отмечено совпадение вида деятельности, контактной информации, банков, в которых открыты счета; имело место отсутствие имущества у обеих организаций. Весьма примечательным было и другое обстоятельство: когда одна из организаций, в отношении которых рассматривалось дело, прекращала деятельность, вторая деятельность начинала; причём круг контрагентов у обеих организаций был одинаков. Исходя из этого суд сделал вывод о том, что фактически имело место непрерывное обслуживание одних и тех же контрагентов [6].

Заключение

Очевиден вывод о том, что неформальные личные отношения могут устанавливаться по неограниченному кругу признаков, в том числе по косвенным признакам. К сожалению, ни ни законодатель, ни ВС РФ не раскрыл исчерпывающе ни сути такого рода отношений, ни их признаков, ни требований к установлению (доказыванию) их наличия. Поэтому данные вопросы должны стать предметом более детального регулирования.

Видится необходимость дополнения ст. 61.10 Закона № 127-ФЗ перечнем конкретных признаков, которые могут или должны рассматриваться как свидетельствующие о наличии личных неформальных отношений между потенциальным КДЛ и организацией-должником. Помимо того, целесообразно исключить возможность чрезмерно субъективного и расширительного толкования норм данной статьи. Для этого следует внести в указанную статью также оговорку о том, что сами по себе факты совместного прохождения службы, обучения, осуществления трудовой деятельности в одной организации, имевшие

место ранее, не могут рассматриваться как неоспоримые признаки наличия неформальных отношений именно в контексте признания субъекта КДЛ.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. 2017. № 297.
4. Определение Верховный Суд Российской Федерации от 28.03.2019 № 305-ЭС18-17629(2) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.03.2025 по делу №А21-8696/2023 // Электронное правосудие. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 02.06.2025 по делу № А40-309508/24-75-2533 // Электронное правосудие. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
7. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Жиганова А.В., Челомин А.В. Особенности формальной и неформальной коммуникации в бизнес-дискурсе // Libri Magistri. 2023. № 1(23). С. 63–76.
9. Михневич А.В., Оселедко А.Н. Понятие контролирующих должника лиц в процедуре банкротства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018 № 10-2. С. 151–159.

10. Тюрина Н. И. Неформальные отношения в современных деловых организациях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1(49). С. 124–132.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 07.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. ot 23.05.2025) «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 43. St. 4190.
3. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 21.12.2017 № 53 «O nekotoryx voprosax, svyazannyx s privlecheniem kontroliruyushhix dolzhnika licz k otvetstvennosti pri bankrotstve» // Rossijskaya gazeta. 2017. № 297.
4. Opredelenie Verxovnyj Sud Rossijskoj Federacii ot 28.03.2019 № 305-E`S18-17629(2) // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Postanovlenie Trinadczatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 11.03.2025 po delu №A21-8696/2023 // E`lektronnoe pravosudie. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
6. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy` ot 02.06.2025 po delu № A40-309508/24-75-2533 // E`lektronnoe pravosudie. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
7. Pis'mo FNS Rossii ot 16.08.2017 № SA-4-18/16148@ «O primenenii nalogovy`mi organami polozhenij glavy` III.2 Federal'nogo zakona ot 26.10.2002 № 127-FZ» // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Zhiganova A.V., Chelomin A.V. Osobennosti formal'noj i neformal'noj kommunikacii v biznes-diskurse // Libri Magistri. 2023. № 1(23). S. 63–76.
9. Mixnevich A.V., Oseledko A.N. Ponyatie kontroliruyushhix dolzhnika licz v procedure bankrotstva // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyx i estestvennyx nauk. 2018 № 10-2. S. 151–159.

10. Tyurina N. I. Neformal'ny'e otnosheniya v sovremenny'x delovy'x organizatsiyax // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'ny'e nauki. 2018. № 1(49). S. 124–132.

Научная статья

УДК 347.4 : 368

ОСПАРИВАНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО ОТКАЗА СТРАХОВЩИКА ОТ ВЫПЛАТЫ СТРАХОВОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ ПО ДОГОВОРУ ОСАГО

**Чугунов Александр Александрович, к.ю.н., доцент, Московский
университет МВД России имени В. Я. Кикотя, заместитель начальника
кафедры уголовного права, anthropira77@mail.ru**

Аннотация

Затрагиваемая в статье тема страхового возмещения по ОСАГО относится к категории наиболее проблемных. Автор обращается к Закону об ОСАГО, давая общую характеристику данного института, цели его внедрения в России. Рассматривается вопрос разграничения терминов «страховое возмещение», «страховая выплата», «страховая сумма», в результате чего делается вывод о их соотношении как общего и частного. Указывается на альтернативный характер способов страхового возмещения и положительно оценивается приоритетность организации ремонта перед страховой выплатой. Высказывается идея о предоставлении страховым компаниям по собственному усмотрению выбирать вариант страхового возмещения. Отмечается несовершенство действующего законодательства в вопросах регулирования правоотношений в сфере ОСАГО. Приводятся некоторые основания, не предусмотренные законом, но используемые страховыми компаниями для аргументации отказов в осуществлении страхового возмещения. Исключительно с положительной стороны автором оценивается созданный сравнительно недавно институт финансово уполномоченного, который пусть и не во всех, но во многих случаях позволяет урегулировать соответствующие споры в рамках ОСАГО. В завершении статьи предлагаются некоторые идеи по урегулированию имеющихся проблем, связанные с неосновательными отказами от страхового возмещения.

Ключевые слова: автогражданская ответственность, владелец транспортного средства, ОСАГО, страхование, страховая компания, страховщик, страхователь, страховое возмещение

Статья поступила в редакцию 20.05.2025, одобрена после рецензирования 12.07.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

CHALLENGING THE INSURER'S UNJUSTIFIED REFUSAL TO PAY INSURANCE INDEMNITY UNDER THE CTP AGREEMENT

**Chugunov Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Law, Associate Professor,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
V.Ya. Kikot, Deputy Head of the Department of Criminal Law**

Abstract

The topic of insurance compensation for CTP covered in the article belongs to the category of the most problematic. The author refers to the CTP Law, giving a general description of this institution and the purpose of its implementation in Russia. The issue of distinguishing the terms "insurance indemnity", "insurance payment", and "sum insured" is considered, as a result of which a conclusion is drawn about their relationship as general and particular. The alternative nature of insurance compensation methods is indicated and the priority of repair organization before insurance payment is positively assessed. The idea is expressed to provide insurance companies with the option of insurance compensation at their own discretion. The imperfection of the current legislation in the regulation of legal relations in the field of CTP is noted. Some grounds are given that are not provided for by law, but are used by insurance companies to justify refusals to provide insurance compensation. On the positive side, the author evaluates the institution of the financial commissioner created relatively recently, which, although not in all cases, but in many cases makes it possible to resolve relevant disputes within the framework of CTP. At the end of the article, some ideas are

proposed for resolving existing problems related to unjustified refusals of insurance compensation.

Keywords: civil liability, vehicle owner, СТП, insurance, insurance company, insurer, policyholder, insurance indemnity

Введение

Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) в условиях современного российского правового порядка выступает неотъемлемым элементом владения транспортными средствами (ТС), и, по замыслу законодателя, призвано обеспечить реализацию прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании ТС, то есть, как правило, в случае дорожно-транспортного происшествия (ДТП).

Практика же свидетельствует о несовершенстве функционирования института ОСАГО, для которого характерны многочисленные нарушения, в том числе со стороны страховых компаний, зачастую совершенно необоснованно отказывающих в выплате страхового возмещения. Хотя в целом данный институт представляется необходимым. С учётом изложенного, избранная проблематика заслуживает пристального внимания.

Основная часть

Действующий в настоящее время Закон об ОСАГО [1] обязует всех владельцев ТС страховать собственный риск наступления гражданской ответственности (ст. 4), а в качестве объекта ОСАГО указывает имущественные интересы, обусловленные упомянутым риском (ст. 6). При этом круг страховых рисков достаточно широк. В данном случае нет необходимости его приводить, но его наличие означает, что в целом законодатель охватил практически все возможные случаи.

Согласно ст. 1 Закона об ОСАГО, страховое возмещение осуществляется в случае причинения вреда жизни, здоровью или имуществу посредством:

- либо страховой выплаты;
- либо организации и (или) оплаты восстановительного ремонта повреждённого ТС.

При этом обязательным условием является ограниченность возмещения страховой суммой, которая определена соответствующим договором ОСАГО.

Здесь важно уточнить используемую в законодательстве об ОСАГО и в научной литературе терминологию, прежде всего, понятия «страховое возмещение» и «страховая выплата»: первое по своему правовому смыслу более широкое, второе – уже. Их можно соотнести как общее и частное. То есть отождествление указанных понятий возможно лишь в отдельных случаях, причём условно, и в этой связи страховая выплата – лишь один из вариантов страхового возмещения. Что же касается термина «страховая сумма», то он используется для обозначения пределов суммы денежных средств, в рамках которой страховщик осуществляется возмещение. Соответственно, «страховое возмещение» – более широкое понятие в сравнении с понятием «страховая сумма» [4, с. 64].

Указанные варианты страхового возмещения по своей сути являются взаимоисключающими [4, с. 63]. При этом приоритет законодатель отдаёт ремонту, а не выплате, несмотря на то, что оба варианта возмещения признаются равноценными, во всяком случае формально. Приоритет продиктован совершенно прагматичными соображениями предупреждения случаев мошенничества в сфере ОСАГО, связанных с необоснованным получением соответствующих страховых выплат.

В литературе не вполне однозначно оценивается такой подход к законодательному разрешению вопроса страхового возмещения, особенно с учётом кризисной ситуации в российской экономике, жесткого санкционного давления и прочих сопутствующих проблем. Все это во многих случаях затрудняет организацию ремонта, во всяком случае автомобилей отдельных марок и моделей. При этом в качестве конкретных причин выступают отсутствие

импортных запасных частей, затруднения логистического характера, увеличение сроков доставки. В этих условиях суды повышают обязательства страховщиков, в том числе в пользу страхователей, которые являются недобросовестными фактически, но по формальным признакам таковыми не признаются. На данную проблему обращают внимание, в частности, Р.И. Климов. Н.А. Кривошеева, Ю.А. Колесников [5, с. 17].

В этих условиях, возможно, было бы уместно позволить страховым компаниям по своему усмотрению решать вопрос о выборе конкретного варианта возмещения, однако законодатель считает иначе на сегодняшний день, и его логика автору понятна.

Отметим максимально детальную урегулированность порядка осуществления страхового возмещения в ст. 12 рассматриваемого Закона об ОСАГО. В рамках данного порядка именно потерпевший наделяется правом предъявления страховщику требования о возмещении вреда. При этом данная статья не позволяет страховщику требовать от потерпевшего представления тех документов, которые правилами обязательного страхования не оговорены. Этим законодатель стремится предотвратить случаи необоснованного уклонения от страхового возмещения, что можно охарактеризовать положительно. Хотя вопрос документального подтверждения права на возмещения является не главным.

Если в целом учесть те изменения, которые за последние годы произошли в сфере ОСАГО, то уместно отметить, что государство прилагает все усилия для совершенствования данного института как в целом, так и в части осуществления страхового возмещения, в том числе путём выплаты. Причём многие меры призваны обеспечить противодействие мошенничеству в сфере страхования [4, с. 62]. В определённых случаях в условиях существующего порядка получение возмещения становится затруднительным, если речь идёт именно о полноценном страховом возмещении. Конечно, этим проблематика не ограничивается и что даёт основание исследователям делать выводы о наличии

массы проблем в области правового регулирования ОСАГО, в том числе в анализируемом контексте. Спорных вопросов здесь масса. При этом не последнее место в их разрешении занимают суды высшей инстанции, а именно Конституционный Суд РФ (КС РФ) и Верховный Суд РФ (ВС РФ) [1, с. 16].

Примечательно, что отдельные исследователи обращают приоритетное внимание на проблематику не возмещения ущерба потерпевшим, а на интересы страховых компаний, указывая, в частности, на наличие достаточно широкой свободы у страхователей и ограниченность возможностей у страховщиков. Более того, в качестве одного из проблемных аспектов выделяют судебную практику взыскания со страховщиков сумм, которые превышают страховые лимиты [1, с. 22]. При этом делаются отсылки на нарушение указаний, данных в Пленумом ВС РФ [2].

С этим можно было бы согласиться, однако фактически потерпевшие, как и страхователи ответственности, выступают слабым звеном, сталкиваясь с отказами в страховом возмещении и необходимостью во многих случаях обращаться в юридические компании, оплачивая дорогостоящие услуги.

Уместно сказать, что поводов для необоснованного отказа в страховом возмещении множество:

- отсутствие диагностической карты на ТС;
- наличие факта осуществления страхового возмещения иному лицу;
- наличие факта сокрытия с места происшествия;
- отзыв лицензии у страховой компании.

В данном случае приведены лишь некоторые поводы для отказа, которые не могут рассматриваться как законные и влекут необходимость обращения для обжалования к финансовому уполномоченному.

Необходимыми условиями для оспаривания отказа является проведение независимой экспертизы, направление соответствующей претензии страховщику, а в случае её неудовлетворения обращение к финансовому уполномоченному. При неурегулировании вопроса возмещения возникает

необходимость обращения в суд. И примечательно, что в каждом из этих случаев может быть назначена соответствующая экспертиза. При этом вопросы её проведения урегулированы не вполне конкретно. И многие сложности связаны именно с экспертной оценкой последствий ДТП. Однако и в этом аспекте ситуация постепенно меняется, и настоящее время действует реестр экспертных организаций, прошедших аккредитацию, лицензирование, имеющих право проводить соответствующие экспертные исследования [6, с. 203].

Обратить особое внимание стоит на возможность решения вопроса о проведении экспертизы по инициативе не только суда, но и финансового уполномоченного. Причём в настоящее время экспертные заключения, которые даны по инициативе уполномоченного, юридически равноценны экспертным заключениям, которые по инициативе суда.

В этой связи можно положительно оценить введённый российским законодателем институт финансово уполномоченного, обращение к которому позволяет многие проблемы, связанные со страховым возмещением, в том числе выплатой, разрешать во внесудебном порядке, в рамках относительно простой процедуры, хотя многие споры перерастают в судебные разбирательства.

Положительно можно оценивать и нормы законодательства, позволяющие лицу, имеющему право на получение страхового возмещения, взыскивать со страховой компании неустойку, но лишь в случаях нарушения сроков выплаты страхового возмещения или отказа от выплаты.

Надо сказать, что подавляющее большинство случаев, когда имеет место отказ от страхового возмещения, в том числе путём выплаты, типично, и законодатель либо надзорные органы могли бы предпринять какие-то дополнительные меры, которые обеспечивали бы единообразное разрешение спорных ситуаций в соответствующих случаях, когда имеют место основания для возмещения. Однако в этом направлении какие-либо меры не приняты, соответственно, спорные ситуации, носящие в целом идентичный характер, нередко разрешаются по-разному.

На сегодняшний день нормы законодательства, обеспечивающие страховое возмещение, в том числе путём выплаты, позволяют в большинстве случаев реализовывать соответствующее право на такое возмещение, однако препятствий к реализации этого права страховыми компаниями создаётся немало, в том числе при отсутствии законных на то оснований. В результате как судам, так как финансовым уполномоченным приходится рассматривать идентичные по своему характеру споры, связанные фактически безосновательным отказами от страхового возмещения.

Стоит признать достаточно действенным средством, создающим стимулы страховым компаниям своевременно и в полном объёме исполнять собственные обязательства по страховому возмещению, в том числе путём выплаты, наличие возможности взыскания с них неустойки, причём в довольно значительных размерах. Об активном использовании данного инструмента свидетельствует и правоприменительная практика [3]. Однако в условиях отсутствия единообразия такой практики нарушения со стороны страховых компаний носят массовый характер.

Заключение

В целом вопросы страхового возмещения, в том числе осуществления страховых выплат по ОСАГО, продолжают оставаться сложным направлением правового регулирования. Хотя надо положительно отметить усилия государства, нацеленные на упрощение процедур, связанных с разрешением споров в этой сфере. Существенной проблемой здесь является массовый характер случаев необоснованного отказа от страхового возмещения. Однако данную проблему в последние годы отчасти позволило нивелировать введение института финансового уполномоченного. Хотя практика свидетельствует о том, что обращение к нему не всегда позволяет разрешать проблему получения возмещения. Думается, что законодателю целесообразно закрепить перечень оснований (поводов), которыми недопустимо обосновывать отказ в выплате страхового возмещения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. 2022. № 261.
3. Решение Шекснинского районного суда Вологодской области от 29.12.2022 по делу № 2-806/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3qfW8TEuUaQx> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Дуванов Н.Ю., Пенс Э.А. К понятию страхового возмещения по договорам ОСАГО // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 5. С. 61–66.
5. Климов Р.Н., Кривошеева Н.А., Колесников Ю.А. О правоприменительной практике судов общей юрисдикции к толкованию Постановления Пленума ВС РФ от 08.11.2022 № 31 в вопросах организации восстановительного ремонта // Страховое право. 2024. № 1(102). С. 15–22.
6. Лаврик Т.М., Заводов М.Ю. Анализ практики применения норм Федерального закона «об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» в сфере ОСАГО // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 4(69). С. 201–206.
7. Рыбка О.С., Ляпустина Н.А. Проблемы правового регулирования обязательного страхования автогражданской ответственности (ОСАГО) в Российской Федерации // Юридические исследования. 2024. № 6. С. 15–29.

References

1. Federal'nyj zakon ot 25.04.2002 № 40-FZ (red. ot 24.06.2025) «Ob obyazatel'nom straxovanii grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'cev transportny'x sredstv» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 18. St. 1720.

2. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 08.11.2022 № 31 «O primenении sudami zakonodatel'stva ob obyazatel'nom straxovanii grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'cev transportny'x sredstv» // Rossijskaya gazeta. 2022. № 261.
3. Reshenie Sheksninskogo rajonnogo suda Vologodskoj oblasti ot 29.12.2022 po delu № 2-806/2022 // Sudebny'e i normativny'e akty' RF. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3qfW8TEuUaQx> (data obrashheniya: 10.05.2025).
4. Duvanov N.Yu., Pens E'.A. K ponyatiyu straxovogo vozmeshheniya po dogovoram OSAGO // Probely' v rossijskom zakonodatel'stve. 2024. T. 17, № 5. S. 61–66.
5. Klimov R.N., Krivosheeva N.A., Kolesnikov Yu.A. O pravoprimenitel'noj praktike sudov obshhej yurisdikcii k tolkovaniyu Postanovleniya Plenuma VS RF ot 08.11.2022 № 31 v voprosax organizacii vosstanovitel'nogo remonta // Straxovoe pravo. 2024. № 1(102). S. 15–22.
6. Lavrik T.M., Zavodov M.Yu. Analiz praktiki primeneniya norm Federal'nogo zakona «ob upolnomochennom po pravam potrebitelej finansovy'x uslug» v sfere OSAGO // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2024. № 4(69). S. 201–206.
7. Ry'bka O.S., Lyapustina N.A. Problemy' pravovogo regulirovaniya obyazatel'nogo straxovaniya avtograzhdanskoj otvetstvennosti (OSAGO) v Rossijskoj Federacii // Yuridicheskie issledovaniya. 2024. № 6. S. 15–29.

Научная статья

УДК 347.453.03, 347.453.3

О НЕКОТОРЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ РИСКАХ НАНИМАТЕЛЯ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Углицких Дмитрий Васильевич, к.ю.н., доцент, Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, olegtanimmsk@mail.ru

Аннотация

Тема найма жилого помещения носит дискуссионный характер, в том числе по причине недостаточной детальности норм гражданского законодательства относительно порядка заключения соответствующего договора. Это подтверждается также судебной практикой и результатами научных исследований. Недостаточная урегулированность влечёт юридические риски для сторон таких правоотношений, прежде всего для нанимателя. Поэтому цель статьи – выявить ключевые юридические риски, возникающие у нанимателя жилого помещения, и предложить меры по их минимизации. В статье рассмотрены основные положения Гражданского кодекса РФ, регламентирующие вопросы найма жилья и выявлены некоторые недостатки данных норм. Изучена научная литература, на основе чего выделен ряд проблем и правовых рисков для нанимателя. Спорным вопросом является признание его слабой стороной в договоре найма: законодательство в этом плане остаётся не вполне конкретным. Среди наиболее очевидных отмечают риски взыскания с нанимателя уже уплаченных им денежных средств, взыскания необоснованных компенсаций за порчу имущества и пр. По завершении статьи предлагаются идеи, направленные на совершенствование Гражданского кодекса РФ в части регулирования порядка заключения договора найма жилья.

Ключевые слова: договор найма жилого помещения, жилищные правоотношения, жилье, наймодатель, наниматель, риски нанимателя жилого помещения

Статья поступила в редакцию 21.06.2025, одобрена после рецензирования 10.09.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

ABOUT SOME OF THE LEGAL RISKS OF THE TENANT OF RESIDENTIAL PREMISES

Uglitskikh Dmitry Vasilyevich, Candidate of Law, Associate Professor, Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot, Moscow, Russia

Abstract

The topic of renting residential premises is controversial, including due to the lack of detail in the norms of civil legislation regarding the procedure for concluding a relevant contract. This is also confirmed by judicial practice and the results of scientific research. Insufficient regulation entails legal risks for the parties to such legal relations, primarily for the employer. Therefore, the purpose of the article is to identify the key legal risks that arise from the tenant of residential premises and propose measures to minimize them. The article examines the main provisions of the Civil Code of the Russian Federation regulating the issues of housing rental and identifies some shortcomings of these norms. The scientific literature has been studied, on the basis of which a number of problems and legal risks for the employer have been identified. A controversial issue is the recognition of his weak side in the employment contract: the legislation in this regard remains not entirely specific. Among the most obvious are the risks of collecting money already paid by the employer, collecting unjustified compensation for damage to property, etc. At the end of the article, ideas are proposed aimed at improving the Civil Code of the Russian Federation in terms of regulating the procedure for concluding a rental agreement.

Keywords: residential lease agreement, housing legal relations, housing, landlord, tenant, risks of tenant of residential premises

Введение

Договор найма жилого помещения, справедливо занимающий центральное место в системе сделок, заключаемых в сфере жилищных правоотношений [8, с. 7], сравнительно редко подвергается детальному анализу на предмет наличия рисков для сторон, его заключивших. Особенно это касается рисков нанимателя, круг которых достаточно широк, но особого интереса у российских исследователей не вызывает.

Источниками (причинами) рисков в исследуемой области выступают многочисленные недостатки законодательства, проблемы судебной практики, которая пока ещё не получила должного развития.

Отсюда цель настоящего исследования: выявить ключевые юридические риски, возникающие у нанимателя жилого помещения, и предложить меры по их минимизации.

Основная часть

Рассматриваемая сфера правоотношений достаточно специфична, о чем свидетельствует переплетение в её рамках фактически двух отраслей законодательства, а именно гражданско-правового и жилищного. Хотя условно данные отрасли можно рассматривать в качестве одной, ведь жилищное право вполне можно признать подотраслью гражданского права.

Тем не менее, нельзя отрицать, что жилищные правоотношения и правоотношения гражданские регулируется достаточно разветвлённой системой правовых норм и для обеспечения эффективного регулирования такая система должна быть максимально упорядоченной, конкретной. Является ли она таковой? Полагаем, что нет.

В настоящее время сложилась весьма парадоксальная ситуация, когда две сферы регулирования одних и тех же отношений демонстрируют совершенно разные подходы законодателя к правовой охране интересов субъектов правоотношений. Если в рамках жилищного законодательства вполне очевидна нацеленность на обеспечение некоторого баланса интересов, пусть и в ущерб

свободе договора, то в рамках гражданского законодательства, представленного, прежде всего, Гражданским кодексом РФ [1], вопросы, касающиеся именно найма жилых помещений, урегулированы без обеспечения должного баланса. Здесь законодатель попытался, прежде всего, обеспечить максимальную свободу договора. Однако, как мы полагаем, условий для обеспечения баланса интересов в рамках рассматриваемого договора не создал.

В обоснование данной позиции стоит обратиться к положениям гл. 35 ГК РФ, полностью посвящённой регулированию найма жилого помещения.

В ст. 671 ГК РФ раскрывается сущность договора найма жилого помещения. Согласно ему, собственник жилого помещения либо управомоченный им субъект (наймодатель) обязуется предоставить другой стороне (нанимателю) жилое помещение за плату во владение и пользование для целей проживания. В данном случае не предполагается акцентировать внимание на юридических лицах, хотя и они могут вступать в такие отношения. Также не планируется затрагивать вопросы найма социального жилья.

В рамках рассматриваемого договора одним из ключевых нюансов является определение объекта договора. Согласно ст. 673 ГК РФ, в качестве такового может быть изолированное жилое помещение при условии его пригодности для постоянного проживания. Сюда включаются квартиры, жилые дома, части квартиры или жилого дома. При этом вопросы оценки пригодности жилого помещения для проживания решаются исходя из норм жилищного законодательства.

Ст. 674 ГК РФ предписывает заключать договор найма жилья только в письменной форме. Причём решение многих вопросов оформления договорных правоотношений зависит от согласованного сторонами срока, на который жилье нанимается: если такой срок составляет год или более, то обязательным условием является государственная регистрация ограничения (обременения) права собственности. Однако в существующих реалиях данные условия наймодатели без каких-либо существенных проблем обходят. Договорная

практика свидетельствует о том, в большинстве случаев анализируемый договор оформляется длительностью на 11 месяцев или менее.

Нормы рассматриваемой главы содержат определённые требования как в целом к отношениям между нанимателем и наймодателем, так и к порядку их оформления. Однако говорить о наличии детальной регламентации порядка заключения договора найма жилья, как и о наличии чётких требований к содержанию рассматриваемого договора, не приходится. Это обстоятельство является одной из ключевых проблем, которые порождают достаточно высокие риски для нанимателей жилья.

Впрочем, риски в определённой степени зависят от того сегмента, в пределах которого складываются соответствующие правоотношения между нанимателем и наймодателем. В литературе отмечается весьма чёткая закономерность: собственники жилья, относимого к категории элитного, в большей степени склонны заботиться о юридическом оформлении соответствующих правоотношений. Они зачастую ведут деятельность предпринимательского характера, надлежащим образом зарегистрированную. И потому какие-либо споры, возникающие с наймодателями, решаются более конструктивно, в правовом ключе. Что же касается жилья, которое принято относить к категории «эконом», оно зачастую сдаётся в найм без должного юридического оформления, либо такое юридическое оформление имеет определённые изъяны. В этой связи надо сказать, что в литературе обращается внимание на наличие достаточно большой доли сделок сдачи жилья в найм при наличии признаков нелегальности [3, с.260–261]. Очевидно, в таком случае у нанимателя риски максимальны и сравнительно невысокие шансы разрешить возможный спор в правовом ключе, исходя из принципов равенства, справедливости и пр.

Причин, по которым объекты эконом-класса сдаются зачастую не вполне легально, не много, но они в целом понятны: стремление сэкономить на

возможных налогах и услугах риэлторов [3, с. 261]. Однако в таком случае субъекты не учитывают колоссально возрастающие риски.

В этой связи аргументы в пользу соблюдения всех формальностей при заключении сделки найма жилого помещения представляются вполне разумными и убедительными. Однако нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что для некоторой доли наймодателей сдача жилья является не столько средством получения прибыли, сколько средством выживания. В этих условиях складываются и весьма негативные взаимодействия между представителями разных социальных групп [4, с. 238].

Конечно, представленные мнения нельзя обобщать и распространять на все случаи. Однако в полной мере отрицать описанные реалии вряд ли возможно. Изучение объявлений, которые отражают намерения граждан сдать в найм жилье, зачастую изобилуют определёнными требованиями, которые касаются не столько юридической составляющей, сколько конкретных личностных, семейных, социальных, бытовых и т.п. характеристик, выражающих предвзятое отношение к отдельным категориям нанимателей [4, с. 241].

Очевидно, что в условиях, когда арендодатели выставляют определённые жёсткие требования, касающиеся социальных, этнических, демографических характеристик, создающих определённые барьеры для многих граждан, не способствуют конструктивному формированию договорных правоотношений [4, с. 248]. И в этих условиях особенно высокими становятся риски возникновения споров.

Рассматриваемая проблематика усугубляется в тех случаях, когда имеют место правоотношения, связанные с краткосрочным наймом жилых помещений. В российской судебной практике имеют встречаться случаи, когда соседи обращались с исками в суд, ссылаясь на незаконность деятельности по предоставлению жилья в найм. Более того, отдельные споры даже доходили до Конституционного Суда РФ, который обратил внимание на наличие

неопределённости в нормах действующего законодательства, причём ссылаясь именно на Жилищный кодекс РФ [2].

В контексте изложенного стоит ещё раз напомнить о том, что рассматриваемая сфера правоотношений находится на пересечении гражданского и жилищного законодательства, и в этой связи определённые риски у нанимателя обуславливаются возможным оспариванием третьими лицами, в том числе соседями, права наймодателя сдавать в наём своё жилье.

Нельзя не затронуть вопрос, касающийся субъектного состава анализируемых правоотношений. Так, нормы ГК РФ позволяют в качестве наймодателя выступать гражданину, не имеющему статуса индивидуального предпринимателя, а также индивидуальному предпринимателю или организации. В первом случае речь ведётся о вполне равноправных отношениях, когда наниматель не рассматривается в качестве слабой стороны. Однако, когда в качестве наймодателя выступает субъект предпринимательской деятельности, то возникает вопрос о применении норм законодательства о предпринимательской деятельности, а также о защите прав потребителей. И в таком случае на правоотношения по жилищному найму могут распространяться также соответствующие нормы законодательства о защите прав потребителей [6, с. 74-75].

Надо сказать, что данная проблематика в литературе затрагивается не часто, и зачастую граждане не пользуются своими правами потребителя, заключая с индивидуальным предпринимателем, выступающим в роли наймодателя, договора найма жилого помещения. Хотя такие возможности есть.

Однако индивидуальный предприниматель, будучи наймодателем, вполне имеет возможность заключить договор найма жилого помещения и выступая в качестве гражданина – физического лица, а не в качестве индивидуального предпринимателя. В таком случае наниматель правами потребителя пользоваться не может, становясь де-юре равным субъектом правоотношений, но не де-факто.

Исходя из этого, в литературе подчёркивается возможность заключения договора найма жилого помещения в одном из двух вариантов. [6, с. 76]:

- либо как бытового, то есть между двумя гражданами;
- либо потребительского, когда в качестве наймодателя выступает субъект предпринимательской деятельности.

Безусловно, в последнем случае у нанимателя имеется более широкий круг возможностей для защиты своих прав и законных интересов, но в российских реалиях такая модель договора не получила в настоящее время достаточно широкого распространения, которое бы позволило однозначно судить о преимуществах и недостатках каждой из перечисленных моделей.

Надо сказать, что в литературе в большей мере склонны рассматривать правовые риски наймодателя, особенно в контексте предпринимательской деятельности (возможность невнесения нанимателем платы, систематическое недополучение прибыли от сдачи жилья и пр.) [5, с. 69].

Однако для нанимателя спектр рисков нам представляется более широким:

- приемка жилья не в том состоянии, которое описано в договоре или акте сдачи-приёмки жилья;
- риски взыскания с нанимателя уже уплаченных денег;
- риски взыскания возмещения за порчу имущества, которая произошла не по вине нанимателя;
- невозвращение депозита (залога);
- досрочное выселение и пр. [7].

Один из наиболее существенных рисков – является фактическая приёмка квартиры без составления надлежащего акта приёмки (сдачи-приёмки) жилья. В таком случае наймодатель имеет возможность вынести соответствующее имущество из жилья. Более того, у него будут и определённые возможности для предъявления требований, касающихся возмещение каких-либо имущественных потерь. Хотя, конечно, в этом случае взыскание возможно, если будет доказано, что соответствующее имущество действительно имелось в жилом объекте.

Однако даже не обращаясь в суд, наймодатель имеет возможность удержать депозит (залог) под любым более или менее обоснованным предлогом.

Поэтому нельзя не отметить и определённые риски, связанный с возможным невозвращением депозита за повреждения имущества. Безусловно, в определённых случаях это будет оправданно, в том числе, если наниматель действительно своими действиями или бездействием причинил имущественный ущерб. Однако, не исключены и злоупотребления со стороны наймодателя, особенно в тех случаях, когда наниматель «по умолчанию» подписывала акт сдачи-приёмки жилья, не проверяя состояние принимаемого имущества, в том числе бытовой техники (стиральных машин, посудомоечных машин, телевизора, кондиционера и пр.).

Особняком стоит проблема, связанная с риском взыскания денег за пользование жилым помещением, которые были уже уплачены. Такой риск имеет место в тех случаях, когда денежные средства вносились в наличной форме, что не было надлежащим образом удостоверено распиской в их получении, либо когда расписка по тем или иным причинам не позволяет установить достоверность соответствующего факта.

Оптимальным вариантом минимизации риска в таком случае будет детальная оговорка порядка внесения оплаты за жилье, причём с использованием именно банковского счета. Очевидно, что соответствующие реквизиты должны быть зафиксированы в самом договоре либо в дополнительном соглашении. В случае, если они меняются, то представляются крайне рискованными любые варианты исполнения своих обязательств на основе каких-либо договорённостей, достигнутых, например, при коммуникации в социальных сетях, мессенджерах и пр.

Безусловно, широкий спектр рисков при решении вопроса, связанного с наймом жилья, может позволить устранить обращение в специализированные организации, предоставляющие риэлторские услуги. Однако нет гарантий того, что какие-либо нюансы не будут проигнорированы. Проблема в том, что

зачастую такие компании работают в интересах наймодателей, нежели в интересах нанимателей, хотя соответствующие договоры найма должным образом заключаются и соблюдается процедура сдачи-приёмки жилья со всем имуществом.

Заключение

Обобщая результаты анализа, можно отметить острую необходимость в более детальной регламентации вопросов, связанных с процедурой заключения договора жилого найма, особенно применительно к случаям, когда имеет место передача жилья с соответствующим имуществом. Полагаем, что есть смысл дополнить ГК РФ нормами, детализирующими процедуру заключения договора найма жилого помещения. Такая процедура должна предусматривать и рекомендации: при сдаче-приёмке жилья проверять имеющееся имущество (бытовую технику, оборудование и прочее имущество), по крайней мере дорогостоящее, на предмет его исправности в присутствии наймодателя. Условие о проверке должно рассматриваться и как условие, которое учитывается при разрешении возможных споров между наймодателем и нанимателем относительно ответственности за состояние жилого объекта.

Помимо того, есть смысл рассмотреть вопрос о более детальном урегулировании порядка расчётов между нанимателем и наймодателем, в том числе применительно к внесению и возврату депозита (залога). Думается, что для этих целей уместно регламентировать и вопросы фиксации факта передачи денежных средств, особенно применительно к случаям, когда имеет место внесение платежа наличными денежными средствами.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса

Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Дадалко В.А., Кузнецов Д.А. Нелегальная аренда жилья как сектор теневой экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17, № 2(395). С. 258–273.

4. Казакова А.Ю. Дискриминация арендатора: ксенофобия или практика безопасности // Жилищные стратегии. 2019. Т. 6, № 2. С. 237–254.

5. Никитина В.А. Договоры найма жилых помещений по праву Российской Федерации и Федеративной Республики Германии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 211 с.

6. Рыбина Н.М. Договор коммерческого найма жилого помещения по российскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 224 с.

7. Сокуренок В. Защита от рисков при найме квартиры // Портал Адвокатской газеты. 2018. 17 декабря. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/zashchita-ot-riskov-pri-nayme-kvartiry/>

8. Формакидов Д.А. Договор найма жилого помещения и подобные ему договоры: монография. М.: ИНФРА-М, 2024. 189 с.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 5. St. 410.

2. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23.03.2023 № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 3 stat'i 17 Zhilishhnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina P.E. Baxireva» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Dadalko V.A., Kuzneczov D.A. Nelegal'naya аренда zhil'ya kak sektor tenevoj e'konomiki // Nacional'ny'e interesy': priority' i bezopasnost'. 2021. Т. 17, № 2(395). С. 258–273.

4. Kazakova A.Yu. Diskriminaciya arendatora: ksenofobiya ili praktika bezopasnosti // Zhilishhny'e strategii. 2019. Т. 6, № 2. С. 237–254.

5. Nikitina V.A. Dogovory` najma zhily`x pomeshhenij po pravu Rossijskoj Federacii i Federativnoj Respubliki Germanii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2017. 211 s.
6. Ry`bina N.M. Dogovor kommercheskogo najma zhilogo pomeshheniya po rossijskomu grazhdanskomu pravu: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2024. 224 s.
7. Sokurenko V. Zashhita ot riskov pri najme kvartiry` // Portal Advokatskoj gazety`. 2018. 17 dekabrya. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/zashchita-ot-riskov-pri-nayme-kvartiry/>
8. Formakidov D.A. Dogovor najma zhilogo pomeshheniya i podobny`e emu dogovory`: monografiya. M.: INFRA-M, 2024. 189 s.

Научная статья

УДК 347.4

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРЕБОВАНИЙ К ПОРЯДКУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ЗАЙМА

**Рэй Ипсита, Ph.D., Университет Христа, Бангалор, Индия,
ipsraylaw_in@yandex.ru**

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с законодательным регулированием требований к порядку заключения договора займа. Тема актуализируется не только растущей динамикой такого рода сделок, но и наличием многочисленных нарушений закона и прав граждан, особенно со стороны займодавцев, которыми выступают не только сами граждане, но и специализированные организации, именуемые микрофинансовыми. Нормы гражданского законодательства в целом вопросы оформления отношений между заёмщиком и займодавцем регулируют конкретно. Однако возможности для злоупотребления, причём широкие, остаются. Одни из проблем касается установления процентной ставки, причем именно в разумных пределах. Законодатель хотя и предусмотрел некоторые ограничения, но они зачастую обходятся некоторыми субъектами правоотношений. Требования закона не отличаются чёткостью и относительно других аспектов рассматриваемых сделок. Недостаточно определён урегулированы в настоящее время и вопросы подтверждения личности заёмщика, особенно используемые при заключении сделок посредством интернет-ресурсов, что создаёт угрозу для нарушения прав граждан и совершения мошенничества в этой сфере отношений. С учётом состояния правового регулирования автором предложены некоторые варианты совершенствования норм законодательства о займе.

Ключевые слова: договор займа, долговые обязательства, заемщик, займодавец, заключение договора займа, кредит, МФО, риски заемщика

Статья поступила в редакцию 08.07.2025, одобрена после рецензирования 23.09.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF REQUIREMENTS TO THE PROCEDURE FOR CONCLUDING A LOAN AGREEMENT

Ipsita Ray, Ph.D., Christ University, Bangalore, India

Abstract

The article discusses the main problems related to the legislative regulation of the requirements for the procedure for concluding a loan agreement. The topic is being updated not only by the growing dynamics of such transactions, but also by the presence of numerous violations of the law and citizens' rights, especially on the part of lenders, who are not only citizens themselves, but also specialized organizations called microfinance. The norms of civil legislation in general specifically regulate the issues of registration of relations between the borrower and the lender. However, the possibilities for abuse remain wide. One of the problems concerns setting the interest rate, and precisely within reasonable limits. Although the legislator has provided for some restrictions, they are often circumvented by some subjects of legal relations. The requirements of the law are not clear regarding other aspects of the transactions under consideration. Currently, the issues of confirming the borrower's identity are not sufficiently clearly regulated, especially those used when concluding transactions through online resources, which poses a threat to violating the rights of citizens and committing fraud in this area of relations. Taking into account the state of legal regulation, the author suggests some options for improving the norms of legislation on loans.

Keywords: loan agreement, debt obligations, borrower, lender, loan agreement, loan, MFO, borrower's risks

Введение

Договор займа относится к категории наиболее распространённых гражданско-правовых договоров, особенно в современных социально-экономических реалиях, отличающихся кризисным состоянием экономики.

Российский законодатель предельно внимательно относится к правовому регулированию данной области правоотношений, что, однако, не свидетельствует о наличии беспроблемного регулирования. На сегодняшний день есть все основания полагать, что порядок заключения указанного договора урегулирован недостаточно подробно, особенно применительно к правоотношениям, в которых заимодавцем выступает микрофинансовая организация (далее – МФО) либо гражданин, в том числе являющийся индивидуальным предпринимателем.

Основная часть

Договор займа, рассматриваемый в настоящей статье, по своим базовым юридическим характеристикам является:

- реальным либо консенсуальным (юридических лиц договор консенсуальный, а применительно к гражданам он, безусловно, носит реальный характер, признаваясь заключённым с момента получения заёмщиком денежных средств);
- односторонне обязывающий (порождение обязательств происходит, лишь у одной стороны, коей выступает заёмщик, который должен вернуть полученные денежные средства);
- возмездный (выплата процентов предполагается, но в исключительных случаях допустима безвозмездность) [6, с. 66].

В рамках каждой из перечисленных характеристик можно отметить определённые оговорки, условности и некоторые проблемы. Однако в данном случае касаться их нет необходимости, и в целом данные характеристики дают некоторые представления о рассматриваемом договоре, согласно которому

заёмщик получает денежные средства и обязуется их возвратить в оговорённые сроки, в определённых случаях также уплатив проценты.

На первый взгляд, нормативные положения о рассматриваемом договоре представляются предельно конкретными. Однако он является одним из наиболее проблемных, и в литературе не случайно отмечаются множественные спорные вопросы, связанные с его заключением, исполнением, оспариванием. В частности, подчёркивается, что в числе наиболее распространённых находится проблема недостаточной информированности заёмщика о всех условиях договора, что особенно свойственно случаям получения микрозаймов, то есть заключения договора с МФО. Причиной такой проблемы выступает непредставление организацией-займодавцем соответствующей информации либо представление её в ненадлежащей форме (чрезмерно малый шрифт и пр.).

Все это осложняется тем, что в законе не вполне детально разработан ряд вопросов договора займа, в том числе касательно его предмета, подтверждения факта получения денежных средств, согласования, расчёта, взимания процентов.

Так причём нельзя не признать, что усилению проблематики, связанной с договором займа, особенно заключаемого с МФО, имеются вполне конкретные предпосылки, а именно усложнение процедуры получения потребительских кредитов повышение требований к заёмщикам в банках. Это зачастую вынуждает граждан обращаться в МФО, соглашаясь на более жёсткие условия и зачастую не вполне прозрачные условия.

В связи с этим важно подчеркнуть принципиальные различия договора займа и кредитного договора. В первом случае в качестве займодавца может выступать гражданин, индивидуальный предприниматель, МФО, иная организация, в то время как в последнем случае займодавцем является исключительно банк или иная кредитная организация [7с 96].

Соответственно, данные договоры следует признать как относительно самостоятельные. В то же время и банковский кредит законодателем именуется займом, например, в Федеральном законе «О потребительском кредите

(займе)» [2]. То есть уже в вопросе использования терминологии законодательство содержит некоторые противоречия.

Основное внимание уместно стоит уделить изучению положений ГК РФ [1], ст. 807 которого раскрывает смысл данного договора и его основные юридические аспекты, причём уточняя, что он признается заключённым именно с момента передачи денежной суммы заёмщику. Отсюда становится не вполне понятным: как именно следует расценивать ситуацию, когда формальности соблюдены и соответствующий договор подписан сторонами, однако заёмщик денежных средств не получил?

Другим весьма значимым недостатком действующего законодательства в части регулирования договора займа является положение ст. 808 ГК РФ, где предписано заключать договор именно в письменной форме при условии, когда его сумма превышает 10 000 руб. Примечательно, что этой же статьёй обязательность заключения договора займа в письменной форме вне зависимости от суммы предусмотрена лишь для заимодавцев-организаций. Таким образом, законодатель, с одной стороны, упрощает многие взаимодействия для граждан, связанные с предоставлением и получением займов. Однако это порождает некоторые предпосылки для споров, поскольку трудности доказывания факта займа и его условий очевидны при отсутствии письменного договора.

Интересно, что индивидуальные предприниматели, предоставляющие займ, в указанной статье не упоминаются как субъекты, обязанные любой без исключения ситуации, независимо от суммы займа, заключать соответствующий договор письменно. В этом тоже видится серьёзное упущение.

В ст. 808 ГК РФ в качестве подтверждения достигнутых договорённостей относительно займа упоминается расписка заёмщика либо иной документ. Однако требования к данному документу и его правовой статус не конкретизируются. Не указано и то, вправе ли субъект предъявлять соответствующие требования к заёмщику, не имея расписки.

Поэтому совершенно обоснованно в литературе делается вывод о незакрепленности чётких требований не только к самому договору займа, но и к содержанию расписки, а это является одной из причин возникновения споров [6с. 68].

Договор займа является возмездным «по умолчанию», если иное не предусмотрено законом либо соответствующим договором, согласно ст. 809 ГК РФ, а отсутствие в соответствующем договоре условий о процентах означает необходимость их расчёта исходя из ключевой ставки Банка России. Здесь важно подчеркнуть особо проблемный характер именно вопросов, касающихся определения процентной ставки по займу, несмотря на то, что нормы ГК РФ, предусматривают определённые ограничения.

Примечательно, что законодатель в ст. 809 ГК РФ позволяет устанавливать размер процентов за пользование денежными средствами как в виде фиксированной суммы, так и иным путём. Причём проценты, как правило, рассчитывается ежемесячно. В п. 5 ст. 809 ГК РФ говорится об ограничении размера процентов, если соответствующий договор заключается между гражданами, либо между юридическим лицом, для которого предоставление займов не является основным видом деятельности, и гражданином. В таком случае проценты не могут превосходить в два и более раза обычно взимаемые в подобных случаях проценты, как чрезмерно обременительные для должника (так называемые ростовщические проценты). Но что подразумевается под выражением «обычно взимаемые в подобных случаях проценты»? Закон не уточняет, однако предполагается, что такие проценты заведомо являются чрезмерно обременительными для должника.

Интересно, что ни банков, ни МФО указанное ограничение не касается [3, с. 79], а это означает возможность злоупотреблений в части определения размера взимаемых процентов. И если в сфере банковской деятельности имеет место определённый контроль и жесткие рамки, исключающие злоупотребления, во всяком случае, в 2025 году, то в деятельности

МФО жёстких ограничений нет, а потому весьма распространённой является практика заключения договора займа с процентной ставкой 200% годовых и более.

Уместно согласиться с А.Ю. Александровым и А.Р. Ибрапиловой в том, что снижение неоправданных ростовщических процентов является лишь правом суда, но не обязанностью. Иными словами, это лишь частный случай, который может иметь место при рассмотрении споров [3, с. 80]. То есть налицо все предпосылки для явного злоупотребления. И опять же стоит напомнить о том, что ни в судебной практике, ни в законодательстве конкретных требований к процентам нет.

Довольно отчётливо видится чрезмерно бланкетный характер правового регулирования вопросов, связанных с заключением договоров займа. Причём наиболее явно эта проблема прослеживается в случаях, когда в качестве заёмщика выступает гражданин. В связи с этим выглядит оправданной идея о необходимости сосредоточения всех норм о договоре займа с участием гражданина-заемщик в одной статье ГК РФ [3, с. 79].

Между тем, нельзя не отметить весьма противоречивую оценку состояния правового регулирования порядка заключения договора займа. Например, Н.В. Алексеев и А.А. Горбачёва указывают на достаточную детализированность норм, действующих в рассматриваемой сфере [4, с. 62]. Нам же очевидно, что не все значимые вопросы в должной мере детально урегулированы.

Особого характера проблемы возникают в связи с так называемой диджитализацией, которая коснулась и договорных правоотношений. В итоге значительная доля договоров займа, особенно при участии МФО, заключается с использованием Интернет-ресурсов. И количество способов подтверждения волеизъявления здесь остаётся довольно широким:

- подписание документа посредством электронной цифровой подписи;
- совершение конклюдентных действий на сайте займодавца;
- согласование соответствующих условий в мессенджере и пр. [5, с. 179].

И если при заключении соответствующего договора с МФО порядок относительно конкретен, в том числе благодаря лицензированию данной деятельности Банком России, то порядок подтверждение волеизъявления при совершении такой сделки между гражданами практически никак не урегулирован.

На сегодняшний день в целом рассматриваемый аспект остаётся одним из наиболее сложных, и во многом это обусловлено отставанием действующего законодательства от научно-технического прогресса, в том числе прогресса Интернет-технологий. В этой связи в литературе высказывается вполне справедливый вопрос о том, является ли обязательным использование при заключении договора займа усиленной (квалифицированной) цифровой электронной подписи? [5, с. 181].

Весьма существенной является и проблема фактического понуждения заёмщика на стадии подписания договора к заключению разного рода сопутствующих соглашений. Законодательство же, в том числе о микрофинансовой деятельности, однозначных запретов в этом плане не содержит, создавая определённые возможности для злоупотреблений со стороны МФО. Хотя и возможности для злоупотребления со стороны граждан-займодавцев тоже имеются немалые.

Заключение

Проведя анализ, имеем вполне конкретные основания для вывода о необходимости внесения изменений в нормы законодательства, регламентирующие порядок заключения договора займа. Но поскольку нюансов, которые так или иначе требуют совершенствования, множество, то предложения по решению всех упомянутых в данной работе проблемам вряд ли возможно предложить. Однако наиболее важным считаем дополнить ст. 808 ГК РФ указанием на индивидуального предпринимателя, являющегося займодавцем, как на субъекта, который обязан заключить договор займа в письменной форме, и именно вне зависимости от суммы займа.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.
3. Александров А.Ю., Ибрапилова А.Р. Проблемные аспекты регулирования величины процентов по договору займа // Modern Science. 2022. № 4-1. С. 79–82.
4. Алексеев Н.В., Горбачев А.А. Некоторые аспекты заключения договора займа по российскому законодательству // Экономика. Социология. Право. 2022. № 3(27). С. 60–64.
5. Галкин К.Г. К вопросу о защите прав заемщиков при заключении договора займа в электронной форме // Вестник научной мысли. 2022. № 4. С. 178–183.
6. Кожемякина Д.Д. Правовые проблемы заключения договора займа // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2024. Т. 1, №1 (44). С. 65–70.
7. Ломакина К.М., Осадченко Э.О. Правовое различие договора займа и договора кредитования в отечественном гражданском праве // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 118-3. С. 95–97.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 24.06.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 5. St. 410.
2. Federal'nyj zakon ot 21.12.2013 № 353-FZ (red. ot 22.06.2024) «O potrebitel'skom kredite (zajme)» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2013. № 51. St. 6673.

3. Aleksandrov A.Yu., Israpilova A.R. Problemny`e aspekty` regulirovaniya velichiny` procentov po dogovoru zajma // Modern Science. 2022. № 4-1. S. 79–82.
4. Alekseev N.V., Gorbachev A.A. Nekotory`e aspekty` zaklyucheniya dogovora zajma po rossijskomu zakonodatel`stvu // E`konomika. Sociologiya. Pravo. 2022. № 3(27). S. 60–64.
5. Galkin K.G. K voprosu o zashhite prav zaemshhikov pri zaklyuchenii dogovora zajma v e`lektronnoj forme // Vestnik nauchnoj my`sli. 2022. № 4. S. 178–183.
6. Kozhemyakina D.D. Pravovy`e problemy` zaklyucheniya dogovora zajma // Vestnik soveta molody`x ucheny`x i specialistov Chelyabinskoj oblasti. 2024. T. 1, №1 (44). S. 65–70.
7. Lomakina K.M., Osadchenko E`.O. Pravovoe razlichie dogovora zajma i dogovora kreditovaniya v otechestvennom grazhdanskom prave // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2025. № 118-3. S. 95–97.

5.1.5. Международно-правовые науки

Научная статья

УДК 341.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА ОТНОСИТЕЛЬНО ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ В РОССИИ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СУДОВ

**Наумов Вячеслав Викторович, к.ю.н., доцент, Федеральное
государственное казённое образовательное учреждение высшего
образования "Московский ордена Почета университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации имени В Я. Кикотя",
ergenngov@yandex.ru**

Аннотация

Трансформация позиции Конституционного Суда РФ по вопросу возможности исполнения решений международных и зарубежных судебных органов крайне актуальна и одновременно с этим закономерна. Признающая себя частью международного сообщества Россия стремится добросовестно исполнять взятые на себя международные обязательства, в том числе и по признанию и исполнению соответствующих судебных актов, принятых вне ее юрисдикции. Однако наличие отдельных противоречий, причем весьма существенных, порождает необходимость во многих случаях задаваться вопросом о том, допустимо ли те или иные акты признавать и приводить в исполнение на своей территории. Конституционный Суд РФ, играющий зачастую определяющую роль в решении рассматриваемой проблемы, демонстрирует достаточно устойчивую тенденцию изменения взглядов на акты международных и зарубежных судебных органов с позиции их исполнения. И если раньше изменение его позиции могло быть как-то поставлено под вопрос, то в настоящее время в результате конституционной реформы 2020 г. позиции указанного органа укрепились, особенно в связи с расширением полномочий. Но очевидной

остается проблема пересмотра Конституционным Судом РФ ранее сформулированных позиций. На это обращено основное внимание автора.

Ключевые слова: исполнение решения зарубежного суда, конституционное правосудие, Конституционный Суд РФ, позиция Конституционного Суда РФ, решения зарубежных судов

Статья поступила в редакцию 27.05.2025, одобрена после рецензирования 22.07.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

TRANSFORMATION OF THE POSITION OF THE CONSTITUTIONAL COURT REGARDING THE POSSIBILITY OF ENFORCEMENT IN RUSSIA OF DECISIONS OF INTERNATIONAL AND FOREIGN COURTS

**Naumov Vyacheslav Viktorovich, Candidate of Law, Associate Professor,
Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "Moscow
Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation named after V.Ya. Kikot"**

Abstract

The transformation of the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of the possibility of executing decisions of international and foreign judicial bodies is extremely relevant and at the same time logical. Recognizing itself as a part of the international community, Russia strives to faithfully fulfill its international obligations, including the recognition and enforcement of relevant judicial acts adopted outside its jurisdiction. However, the existence of certain contradictions, and very significant ones, makes it necessary in many cases to ask whether certain acts are acceptable to recognize and enforce on their territory. The Constitutional Court of the Russian Federation, which often plays a decisive role in solving the problem under consideration, demonstrates a fairly stable trend of changing views on acts of international and foreign judicial bodies from the perspective of their

execution. And if earlier a change in its position could somehow be called into question, now, as a result of the constitutional reform of 2020, the position of this body has strengthened, especially in connection with the expansion of powers. But the problem of reviewing the previously formulated positions by the Constitutional Court of the Russian Federation remains obvious. This is the main focus of the author.

Keywords: enforcement of a foreign court decision, constitutional justice, Constitutional Court of the Russian Federation, position of the Constitutional Court of the Russian Federation, decisions of foreign courts

Введение

Вопрос исполнения решений зарубежных судов Российской Федерацией в настоящее время стоит как никогда остро, поскольку, одной стороны, современная ситуация характеризуется наличием конфликта между Россией и так называемым коллективным западом, что не позволяет в полной мере обеспечивать правовое сотрудничество со многими западными государствами, в том числе и путём исполнения соответствующих решений судов определенных стран; с другой стороны, Россия по-прежнему остаётся важнейшим субъектом мирового сообщества, и признавая международное право, строго соблюдая нормы заключённых со многими странами договоров.

В сложившихся условиях политика исполнения решений зарубежных судов требует предельно взвешенного подхода. И в её формировании ключевую роль в последние годы сыграл Конституционный Суд РФ, позиция которого существенно трансформировалась, что не может остаться без внимания.

Основная часть

Вряд ли можно поставить под сомнение гарантированное ч. 3 ст. 46 Конституции РФ [1] право гражданина обратиться в международные органы по защите прав и свобод человека и гражданина в случаях, когда внутригосударственные институты исчерпали свои возможности и не принесли

ожидаемого результата. Такая возможность, существенно расширяя ресурсы правосудия, способствует и укреплению его авторитета.

Однако в практике не всегда международные органы рассматривают судебные вопросы с должным уровнем беспристрастности, без политической подоплеки, проявляя должное уважение к той или иной стране, которая является участником спора. И это обстоятельство даёт определённые основания ставить под вопрос правомерность многих решений соответствующих международных органов. Аналогичная проблема имеет место и касательно решений, выносимых зарубежными судами, которые тоже зачастую не в полной мере уважают национальное право другой страны, в том числе России. Отсюда и потребность в оценке конституционности такого рода решений.

Причем главная проблема не всегда состоит в противоречиях между российским правом и позициями, выражаемыми в международных или иностранных судебных актах. Зачастую противоречия усматриваются и в актах Конституционного Суда РФ, принятых по одному и тому же вопросу, или по идентичным вопросам, но в разные периоды времени.

Принято считать, что устойчивая линия на изменение позиции Конституционного Суда наметилась с 2010 г., когда в рамках дела гражданина Маркина против Российской Федерации, рассмотренного в ЕСПЧ, был признан ряд нарушений со стороны России. Однако соответствующее постановление ЕСПЧ вступила в противоречие с позициями Конституционного Суда РФ, и данный аспект Европейский Суд не учёл. Далее, 14.07.2015 было принято Постановление Конституционного Суда РФ № 21-П [5], которое фактически стало основой для претворения в жизнь в «механизма неисполнения» решений ЕСПЧ [8, с. 79].

Достаточно наглядным примером трансформации позиции Конституционного Суда по рассматриваемой проблематике является переоценка им взглядов на суть и содержание п. 1 ст. 23 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской

Федерации», гласящего, что «международный договор или часть договора до его вступления в силу могут применяться Российской Федерацией временно, если это предусмотрено в договоре или если об этом была достигнута договоренность со сторонами, подписавшими договор» [3].

Конечно, в данном случае не идёт речи о конкретном решении суда. Однако любая норма, так или иначе, потенциально является основанием для спора, вынесения того или иного решения суда, а потому и указанная норма к рассматриваемой проблематике имеет самое непосредственное отношение. И давая оценку ей на соответствие Основному Закону страны в 2012 г., Конституционный контроль признал отсутствие противоречий Конституции «в части, допускающей временное применение до вступления в силу международного договора (или части международного договора) Российской Федерации, затрагивающего права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливающего при этом иные правила, чем предусмотренные законом». При этом позиция была аргументирована тем что указанная норма по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего нормативного правового регулирования не предполагает возможности применения такого международного договора (или части международного договора) в Российской Федерации без его официального опубликования [4].

Очевидно, что признав указанное положение допустимым, Конституционный Суд допустил и возможность исполнения на территории России решений иностранных и международных судов, основанных на невступивших в силу международных договорах, что в современных реалиях звучит крайне парадоксально.

Однако в Определении Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 № 2867-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации» выраженная ранее позиция была принципиально

пересмотрена и заявлено о недопустимости временного применения положений международного договора Российской Федерации, но именно применительно к случаям разрешения международным арбитражем споров между Российской Федерацией и иностранными инвесторами, возникших в связи с осуществлением ими инвестиций и предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, даже если данный международный договор был официально опубликован, без принятия федерального закона о его ратификации [ОКС № 2867-О-Р].

Очевидно, что определяющий вклад в трансформацию позиции Конституционного Суда РФ по рассматриваемой проблематике внесла проведенная в 2020 г. конституционная реформа, благодаря которой данный орган существенно усилил свое положение в системе органов власти [8, с. 79], получив ряд дополнительных полномочий, в том числе связанных с возможностью разрешать вопросы о допустимости исполнения на территории России международных договоров, решений международных и иностранных судебных органов: дополнение ст. 125 Конституции РФ частью 5.1 убедительно об этом свидетельствует.

Конечно, данная мера во многом была продиктована объективной необходимостью создания дополнительных инструментов охраны конституционного строя, национальных интересов, в том числе для предотвращения вмешательства во внутренние дела России со стороны других стран, международных организаций и органов посредством правовых инструментов.

Думается, что столь существенных изменений в позиции Конституционного Суда РФ не произошло бы при отсутствии определённых обстоятельств:

- во-первых, существенного ухудшения взаимоотношений с рядом западных государств, которое происходило постепенно, но очень отчетливо; ом последствием;

- во-вторых, пересмотре Конституции РФ с позиции обеспечения защищённости национальных интересов и конституционного строя.

Все это нацелило Конституционный Суд РФ на кардинальный пересмотр и своей политики в отношении зарубежных и международных судебных органов. И, как показали дальнейшие события, такой пересмотр был необходим. Возможно, необходимость пересмотра позиции возникла и ранее, однако для этого не было весомых поводов.

Нельзя не признать и то обстоятельство, что с некоторых пор возникла острая необходимость обеспечения защищённости традиционных ценностей в условиях российского правопорядка и отклонения от таких ценностей многих зарубежных стран. Это тоже не могло не наложить свой отпечаток на практику оценки решений международных и иностранных судов, в том числе ЕСПЧ.

Нельзя не обратить внимание на такую проблематику, как соблюдение принципов международной вежливости и взаимности при разрешении вопросов, касающихся исполнения решений международных и иностранных судебных органов. Данные принципы принято рассматривать как неотъемлемое условие международного сотрудничества в самых разных сферах, в том числе в сфере правосудия. Однако в последнее время они были поставлены под сомнение.

И здесь нельзя не обратить внимание на наличие принципиальных различий взаимности и вежливости. Если говорить о вежливости, то она всегда означает проявление уважения, признания, но о двустороннем взаимном проявлении соответствующего поведения речи не идёт: оно возможно, но не обязательно. Когда же речь идёт именно о взаимности, то она предполагает двусторонние, идентичные друг другу действия [7, с. 165–166]. То есть в случае исполнения того или иного решения суда первой страной, вторая страна аналогично исполняет решение суда первой. В таком случае имеет место проявление вежливости. Однако вежливость имеет место и в том случае, когда одна страна исполняет решение суда второй страны, но вторая решение суда первой не исполняет. Последняя ситуация крайне нежелательна, ведь взаимность

отсутствует, а вежливость проявляется только с одной стороны. В частности, по этой причине зачастую приходится пересматривать позицию относительно исполнения решений иностранных и международных судов.

Интересно, что в научной литературе взгляды на вопрос об исполнении решений международных и иностранных судов кардинально тоже имели тенденцию изменяться. Например, в 2016 г. отмечался авторитет российских судебных решений за рубежом [7, с. 168]. В настоящее же время об этом сложно говорить, особенно применительно к странам Запада.

Признавая наличие определённой трансформации в позиции Конституционного Суда относительно возможности исполнения решений международных и иностранных судов, нельзя не сказать, что в целом сам Конституционный Суд ничего нового в правовую систему не привнёс, если абстрагироваться именно от судебной практики, ведь и так действующее российское законодательство не позволяло применять на территории России те решения, которые несут (могут нанести) ущерб суверенитету России, угрожают её безопасности, либо противоречат судебному порядку [2]. Однако именно от Конституционного Суда зависело и зависит то, каким образом будет оценено то или иное конкретное решение международного или зарубежного судебного органа. То есть проблема во многом состоит именно в правовой оценке конкретного решения с позиции одних и тех же правовых норм, нацеленных на охрану конституционного строя России.

Уместно признать, что де-юре пересмотрев свои позиции на возможности исполнения решений иностранных и зарубежных судов, Россия, тем не менее, не отклонилась от своего пути в плане развития в соответствии с международным правом, чему есть вполне убедительные аргументы. Во-первых, как справедливо подчёркивает А.А. Костин [9, с. 21], само судебное решение, чьё бы оно ни было, не обладает юридической силой за пределами государства, на территории которого оно принято, ведь осуществление правосудия есть форма реализации именно государственной власти, причём именно внутри государства, а значит,

оно порождает только те последствия, которые допускает само государство местонахождения, например, должника. То есть международный суд или зарубежный суд в своих решениях правомочен лишь настолько, насколько ему это позволяет другая страна, в частности Россия. Иными словами, именно Россия вправе решать, какие зарубежные или международные судебные акты приводить в исполнение на своей территории, а какие не приводить.

Здесь нельзя не отметить такое обязательное условие для признания и исполнения судебных актов, как наличие международного договора, причём именно ратифицированного, чему есть вполне конкретная причина, а именно доверие к зарубежной судебной системы абсолютный характер не может носить. А потому необходимы дополнительные барьеры, которые бы позволяли предупреждать многие нарушения. И международный договор, как и соблюдение принципа взаимности, этому должно способствовать. В настоящее же время о принципе взаимности во многих случаях именно в положительном ключе нет и речи.

Заключение

Таким образом, позиция Конституционного Суда РФ в вопросах исполнения решений международных и зарубежных судов претерпела весьма существенную трансформацию, которая была закономерной, причём опосредовалась вполне объективными причинами. И учитывая события последних 10 лет, ожидать каких-либо других изменений в рамках рассматриваемой позиции вряд ли было бы целесообразным. При этом особую роль в трансформации такой позиции сыграла конституционная реформа 2020 г., оцениваемая нами положительно с точки зрения усиления инструментов конституционного контроля.

Вместе с тем вызывает некоторые вопросы стабильность, однозначность, неоспоримость выражаемых Конституционным Судом РФ мнений, поскольку в отдельные позиции им по прошествии некоторого времени пересматриваются. В этой связи видится необходимость выработке некоторого единообразного

подхода к разрешению спорных ситуаций. Возможно, соответствующие идеи должны быть выражены в законодательстве о Конституционном Суде либо в специальной концепции развития, которую следует разработать для данного органа конституционного контроля, что в современных условиях представляется чрезвычайно важным.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 15. Ст. 1810.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней",...» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (дата обращения: 15.05.2025).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 № 2867-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от

- 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации"» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision507357.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
7. Кайсин Д.В., Безрученков М.В. Исполнение российских судебных решений за рубежом: современные тенденции // Вестник международного коммерческого арбитража. 2016. № 2. С. 161–168.
8. Кожевников О.А., Крысанов А.В. Конституционная реформа 2020 г.: к вопросу об особенностях исполнения решений межгосударственных органов и судов зарубежной юрисдикции в российской федерации // Московский юридический журнал. 2021. № 3. С. 77–85.
9. Костин А.А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 34 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 01.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
3. Federal'nyj zakon ot 15.07.1995 № 101-FZ (red. ot 08.12.2020) «O mezhdunarodnyx dogovorax Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 29. St. 2757.
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.03.2012 № 8-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat'i 23 Federal'nogo zakona O mezhdunarodnyx dogovorax Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina I.D. Ushakova» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2012. № 15. St. 1810.

5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.07.2015 N 21-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 1 Federal'nogo zakona O ratifikacii Konvencii o zashhite prav cheloveka i osnovny`x svobod i Protokolov k nej,...» // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (data obrashheniya: 15.05.2025).
6. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.12.2020 № 2867-O-R «O raz`yasnenii Postanovleniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 marta 2012 goda № 8-P po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat'i 23 Federal'nogo zakona O mezhdunarodny`x dogovorax Rossijskoj Federacii» // Oficial'ny`j sajt Konstitucionnogo Suda RF. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision507357.pdf> (data obrashheniya: 15.05.2025).
7. Kajsin D.V., Bezruchnikov M.V. Ispolnenie rossijskix sudebny`x reshenij za rubezhom: sovremennyy`e tendencii // Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. 2016. № 2. S. 161–168.
8. Kozhevnikov O.A., Kry`sanov A.V. Konstitucionnaya reforma 2020 g.: k voprosu ob osobennostyax ispolneniya reshenij mezhgosudarstvenny`x organov i sudov zarubezhnoj yurisdikcii v rossijskoj federacii // Moskovskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 3. S. 77–85.
9. Kostin A.A. Pravovy`e osnovaniya priznaniya i ispolneniya inostranny`x sudebny`x reshenij v Rossijskoj Federacii: avtref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2018. 34 s.

Научная статья

УДК 341.9, 342.7

ЛИШЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

**Лю Ю-Сюань, Ph.D., Университет Святого Иоанна, Нью-Йорк, США,
liuyuxuanny@gmail.com**

Аннотация

Тема лишения гражданства в контексте международного права не является новой, однако с постепенным реформированием современного российского законодательства она становится все более актуальной. В настоящее время на конституционном уровне в России запрещено лишать гражданства, однако те нормы федерального законодательства, которые предусматривают основания для прекращения гражданства, фактически свидетельствуют о существовании в России института прекращения гражданства. Поэтому автором обращается внимание на терминологическую проблему, выраженную в наличии противоречий, фактическую тождественность понятий «прекращение гражданства» и «лишение гражданства», их формальное различие. Приводятся некоторые мнения, выраженные в научной литературе по поводу проблемы лишения гражданства, в том числе идеи о формальном введении такого института. В конечном итоге автором поддерживается идея о формальном введении института лишения гражданства, что должно исключить фактическую подмену понятий, имеющую место в настоящее время. О обязательным условием лишения гражданств автор видит усложнение соответствующей процедуры в целях пресечения злоупотреблений. Полный же отказ от данного институт обосновывается как нецелесообразный и невозможный ввиду необходимости защиты конституционных интересов страны.

Ключевые слова: гражданство, Конвенция о сокращении безгражданства, лишение гражданства, отмена решения о приеме в гражданство, прекращение гражданства

Статья поступила в редакцию 04.08.2025, одобрена после рецензирования 24.09.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

DEPRIVATION OF CITIZENSHIP: AN INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

Yu-Hsuan Liu, Ph.D., St. John's University, New York, USA

Abstract

The topic of deprivation of citizenship in the context of international law is not new, but with the gradual reform of modern Russian legislation, it is becoming increasingly relevant. Currently, at the constitutional level, it is prohibited in Russia to revoke citizenship, but those norms of federal legislation that provide grounds for termination of citizenship actually indicate the existence of the institution of termination of citizenship in Russia. Therefore, the author draws attention to the terminological problem expressed in the presence of contradictions, the actual identity of the concepts of "termination of citizenship" and "deprivation of citizenship", their formal difference. Some opinions expressed in the scientific literature on the problem of deprivation of citizenship are given, including ideas on the formal introduction of such an institution. Ultimately, the author supports the idea of formally introducing the institution of deprivation of citizenship, which should exclude the actual substitution of concepts that is currently taking place. The author sees the complication of the relevant procedure in order to curb abuses as a prerequisite for the deprivation of citizenship. A complete rejection of this institution is justified as impractical and impossible due to the need to protect the constitutional interests of the country.

Keywords: citizenship, Convention on the Reduction of Statelessness, deprivation of citizenship, cancellation of the decision on admission to citizenship, termination of citizenship

Введение

Лишение гражданства, хотя в целом и является допустимым в исключительных случаях, однако международным правом не поощряется. Более того, и в современном российском законодательстве отрицается возможность лишения человека гражданства, причем эта идея получила закрепление на уровне Основного Закона страны – в Конституции РФ [1]. И, казалось бы, такое закрепление позволило исключить возможность лишения индивида гражданства.

Тем не менее, отдельные нормы федерального законодательства свидетельствуют о наличии такой возможности и её фактическом применении, в связи с чем данная проблема нуждается в особо тщательном анализе, причём именно в аспекте международного права, которое так или иначе принимается Российской Федерацией за ориентир в ее правовом развитии.

Основная часть

Фактически занимающая главенствующее положение в иерархии международных документов Всеобщая декларация прав человека [2] в ст. 15 провозглашает право каждого человека на гражданство, а также невозможность произвольного лишения своего гражданства или права на изменение гражданства. Данные идеи ни коим образом не ставятся под сомнение как в нормах национального законодательства, так и в правоприменительной практике. Во всяком случае, формально указанные положения признаются на уровне национального правового регулирования. Поэтому можно уверенное полагать, что указанные идеи создают определённый фундамент для правовой охраны и защиты прав человека и гражданина.

Аналогичного характера идеи содержатся и во множестве других международных документов, в том числе в документах ООН, действующих в глобальном масштабе. При этом основной их вектор характеризуется нацеленностью на исключение или по крайней мере, на сокращение количества фактов оставления человека без какого-либо гражданства. В этой связи уместно

обратиться к принятой в 1961 году Конвенции о сокращении безгражданства [3]. Её можно считать специальным документом, призванным разрешать ключевые проблемы, которые так или иначе связаны с лишением гражданства.

Первоочередное внимание стоит обратить на ст. 8 Конвенции, которая гласит, в частности, что «никакое Договаривающееся Государство не должно лишать никакое лицо своего гражданства, если такое лишение сделало бы это лицо апатридом».

Вместе с тем, ст. 7 и 8 Конвенции допускаются возможность лишения гражданства в отдельных исключительных случаях, а именно:

1) если гражданство было приобретено в результате сообщения ложных сведений или в результате обмана;

2) ввиду проживания натурализованного лица за границей в течение установленного законом срока, который не должен быть менее 7 последовательных лет, если не заявит надлежащему органу власти о своем желании сохранить свое гражданство;

3) если гражданин, рожденный за пределами территории Государства, после достижения им совершеннолетия в течение год не исполнил условие о проживании в это время на территории этого Государства или регистрации у надлежащего органа власти (если такое условие предусмотрено законом).

Иные международные документы, затрагивающие вопросы лишения гражданства, в данном случае особого интереса не представляют. Здесь вполне достаточно тех положений, которые отражены выше, и на них стоит обратить особое внимание.

Так, приобретение гражданства в результате сообщения ложных сведений является, пожалуй, центральным основанием, при наличии которого индивид может быть лишён гражданства. Думается, что такой подход совершенно обоснованный и не требует пересмотра, ведь фактически при предоставлении ложных сведений речь идёт о том, что субъект, не имеющий права на гражданство, его получает, и очевидно, что в случае лишения его гражданства по

рассматриваемому основанию он возвращается в прежнее состояние. Это логично, правомерно, справедливо.

Немаловажным основанием является и проживание натурализованного лица за рубежом на протяжении более чем 7 лет последовательно. При этом обязательным условием является несообщение гражданином соответствующему государству о желании сохранить своё прежнее гражданство. Данное основание весьма спорно, поскольку причины, ввиду которых лицо находится за рубежом и в том числе, не имеет возможности сообщить государству своей гражданской принадлежности о желании сохранить гражданство могут быть совершенно различны.

Весьма интересным является и условие, исходя из которого достигший совершеннолетия гражданин должен заявить о своём желании сохранить гражданство. Но во всех этих случаях становится совершенно очевидной одна особенность: это неравенство гражданства, поскольку такое основание, как натурализация, определённо расширяет возможности для лишения индивида гражданства, во всяком случае, на международном уровне.

В определённом смысле продолжением международно-правового регулирования являются и нормы национального законодательства. В России таковые нормы закреплены прежде всего в Основном Законе страны – Конституции РФ, ч. 3 ст. 6 которой гласит, что гражданин Российской Федерации не может быть лишён своего гражданства или права изменить его. То есть в данной норме видится прямое дублирование нормы, получившей закрепление на международном уровне. Это положение свидетельствует, во-первых, о признании Россией соответствующих международно-правовых гарантий в части регулирования гражданства; во-вторых, о принятии определённых рамок и ориентиров, которые так или иначе касаются решения вопроса о лишении гражданства.

Здесь весьма примечателен терминологический аспект: с одной стороны, российский законодатель устанавливает прямой и максимально конкретный

запрет лишать индивида гражданства. Отсутствие же в Конституции РФ каких-либо оговорок по этому поводу может быть расценено как недопустимость при любых обстоятельствах пересматривать вопрос о наличии у индивида гражданства. С другой стороны, при обращении к отдельным федеральным законам становится совершенно ясно, что вопрос лишения гражданства решается не столь однозначно, как этого можно было бы ожидать, и проблема заключается именно в используемой терминологии.

В Федеральном законе от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О гражданстве Российской Федерации» [4] (далее – Федеральный закон о гражданстве) содержится ст. 22, оговаривающая в том числе и основания прекращения российского гражданства, к коим отнесены:

- 1) добровольный выход из гражданства;
- 2) сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать российское законодательство, выразившееся в том числе:
 - а) в совершении преступления (приготовление к преступлению или покушение на преступление);
 - б) в совершении действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации;
 - в) в неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учет;
- 3) установление факта представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение по поводу гражданства.

Таким образом, становится понятным, что один из источников проблемы – отсутствие единообразия в вопросах использования терминологии. То есть лишение гражданства невозможно, однако его прекращение, в том числе вопреки воле самого гражданина, вполне допускается. В этом видятся определенные противоречия.

В указанных нормах нельзя не усмотреть массу рисков для тех граждан, которые получили соответствующее гражданство не по рождению. Ведь какие-либо ошибки в правоприменительной практике нельзя исключить полностью, в том числе судебные, а это означает, что признание лица виновным в совершении преступления, а в некоторых случаях и совершении административного правонарушения может быть поднят вопрос о фактическом лишении его гражданства, которое де-юре будет именоваться не лишением, а прекращением.

Помимо того, обозначенные выше основания дают повод задуматься и о равенстве гражданства независимо от оснований его приобретения, ведь фактически такое равенство декларируется на законодательном уровне, однако в обозначенных основаниях очевиден отход законодателя от данного принципа равенства.

Надо сказать, что неоднократно вопросы гражданства, в том числе касающиеся оснований его прекращения, рассматривались Конституционным Судом РФ. Субъекты указывали на несоответствие тех или иных норм как конституционным положениям, так и принципам и нормам международного права. Однако Конституционный Суд каких-либо несоответствий не усматривал. Например, в Определении Конституционного Суда РФ от 15.01.2019 № 2-О было отмечено, что Всеобщая декларация прав человека запрещает лишь произвольное лишение гражданства, но в целом такую возможность для каждого государства оставляет. В конечном итоге так он сделал вывод, что «определение оснований и условий как для приобретения, так и для прекращения российского гражданства относится к прерогативе федерального законодателя» [5].

В Определении Конституционного Суда РФ от 11.02.2021 № 183-О [6] была отмечена невозможность отождествления гражданства (ввиду предоставления ложных сведений) и лишения гражданства.

То есть Конституционный Суд РФ, как и в целом российская правовая система, отрицает идентичность указанных терминов. Вместе с тем в литературе указанные термины рассматриваются зачастую как взаимозаменяемые, особенно

с учётом того, что нормы, которые бы обозначали именно чёткие различия между ними, причём обоснованно, в настоящее время отсутствуют [7, с. 80–81].

Не способствуют выработке единого терминологического аппарата и постоянные преобразования в сфере законодательства в целом и законодательства о гражданстве в частности. И если на проблему смотреть с научной точки зрения, то имеет место совершенно однозначная подмена понятий [10, с. 170]. Для устранения таких несоответствий в науке даже высказывается идея о том, чтобы формально закрепить институт лишения гражданства [8, с. 143].

Пока же государство нашло способ решения проблемы, которая так или иначе связана с лишением гражданства. Причём фактическому сохранению института лишения гражданства есть вполне чёткие аргументы в частности, необходимость защиты государственного суверенитета и прочих особо значимых ценностей [9, с. 60].

Заключение

Таким образом, институт лишения гражданства де-юре в России отсутствует и запрещён на конституционном уровне, однако де-факто он имеет место быть и отчасти отождествляется с прекращением гражданства по определенным основаниям. При этом аргументы существования этого института имеются вполне конкретные: во-первых, международным правом в исключительных случаях допускается лишение гражданства; во-вторых, некоторые случаи прекращения гражданства по отдельным основаниям для де-факто являются случаями лишения гражданства. В связи с этим есть необходимость законодательной регламентации терминов, которые касаются лишения гражданства.

Соответственно

Думается, что вполне уместно рассмотреть идею о прямом закреплении норм о лишении гражданства. Однако, как мы полагаем, порядок лишения

гражданства должен быть усложнён в целях пресечения возможности злоупотребления данным инструментом.

Есть смысл пересмотреть ч. 3 ст. 6 Конституции РФ, дополнив ее оговоркой о возможности лишения гражданства в случае совершения отдельных категорий особо тяжких преступлений. Также целесообразно дополнить Федеральный закон о гражданстве нормой, конкретизирующей суть лишения гражданства, под которым следует понимать прекращение гражданства в принудительном порядке (вопреки воле гражданина) по решению суда.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Всеобщая декларация прав человека (Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948) // Официальный портал ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 29.07.2025).
3. Конвенция о сокращении безгражданства (принята 30.08.1961) // Официальный портал ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (дата обращения: 29.07.2025).
4. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2019 № 2-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Усманова Бахтиера Касымжановича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 22 Федерального закона "О гражданстве Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2021 № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона "О гражданстве Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Воронина О.В. Новеллы института прекращения гражданства Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 3. С. 79–84.
8. Кетова Л.П. Институт лишения гражданства в России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7(223). С. 140–144.
9. Пронякина С.Ю. Лишение гражданства как особое основание прекращения правовой связи с государством // Юридические исследования. 2021. № 10. С. 59–73.
10. Саттаров В.Д., Семенов А.В. Лишение гражданства в теории и практике конституционного права // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 1(44). С. 167–171.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (Prinyata rezolyuciej 217 A (III) General`noj Assamblei OON ot 10.12.1948) // Oficial`ny`j portal OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (data obrashheniya: 29.07.2025).
3. Konvenciya o sokrashhenii bezgrazhdanstva (prinyata 30.08.1961) // Oficial`ny`j portal OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (data obrashheniya: 29.07.2025).

4. Federal'nyj zakon ot 28.04.2023 № 138-FZ (red. ot 07.07.2025) «O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. № 18. St. 3215.
5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.01.2019 № 2-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` Usmanova Baxtiera Kasy`mzhanovicha na narushenie ego konstitucionny`x prav chastyami pervoj i vtoroj stat'i 22 Federal'nogo zakona O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11.02.2021 № 183-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Verxovnogo Suda Respubliki Kareliya o proverke konstitucionnosti chasti vtoroj stat'i 22 Federal'nogo zakona O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Voronina O.V. Novelly` instituta prekrashheniya grazhdanstva Rossijskoj Federacii // Zhurnal pravovy`x i e`konomicheskix issledovanij. 2023. № 3. S. 79–84.
8. Ketova L.P. Institut lisheniya grazhdanstva v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 7(223). S. 140–144.
9. Pronyakina S.Yu. Lishenie grazhdanstva kak osoboe osnovanie prekrashheniya pravovoj svyazi s gosudarstvom // Yuridicheskie issledovaniya. 2021. № 10. S. 59–73.
10. Sattarov V.D., Semenov A.V. Lishenie grazhdanstva v teorii i praktike konstitucionnogo prava // Vestnik Permskogo instituta Federal'noj sluzhby` ispolneniya nakazanij. 2022. № 1(44). S. 167–171.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ИСКУССТВЕННЫХ ОСТРОВОВ

**Ло Цзы-Ин, Ph.D., Департамент уголовного правосудия и внутренней безопасности, Колледж профессиональных исследований им. Лесли Х. и Уильяма Л. Коллинза, Университет Сент-Джонс, Квинс, Нью-Йорк, США,
lozyin.jst@icloud.com**

Аннотация

В статье анализируются некоторые актуальные проблемы, связанные с международно-правовым регулированием статуса искусственных островов. Понятие искусственного острова упоминается как в источниках международного права, так и в источниках федерального законодательства, что даёт почву для анализа данной проблематики. Одновременно с этим возникают сложности, обусловленные отсутствием единообразной терминологии в сфере морского права и на уровне внутреннего законодательства, и на уровне международно-правового регулирования. Некоторые причины возникновения трудностей и недостатков правового регулирования статуса искусственных островов автор связывает с невысоким уровнем развития этой сферы международного и национального права, поскольку научно-технический прогресс в части создания искусственных островов существенно опережает прогресс в плане правового развития. Учитывая это, автор подчёркивает важность преодоления отставания в рассматриваемой сфере правового регулирования как на национальном уровне, так и на уровне международного права. В статье также затрагивается вопрос о потенциальной возможности разработки технологий создания искусственных островов, которые могут осложнить применение к ним норм международного права в существующем варианте. Это обстоятельство приводится в качестве одного из аргументов в пользу кардинальных преобразований в рассматриваемой сфере международно-правового регулирования.

Ключевые слова: исключительная экономическая зона, искусственные острова, Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне, Конвенция ООН по морскому праву, правовой статус искусственных островов, территория государства

Статья поступила в редакцию 15.06.2025, одобрена после рецензирования 14.08.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF ARTIFICIAL ISLANDS

**Tzu-Ying Lo, Ph.D., Department of Criminal Justice and Homeland Security,
Lesley H. and William L. Collins College of Professional Studies, St. John's
University, Queens, New York, USA**

Abstract

The article analyzes some topical issues related to the international legal regulation of the status of artificial islands. The concept of an artificial island is mentioned both in the sources of international law and in the sources of federal legislation, which provides the basis for the analysis of this issue. At the same time, difficulties arise due to the lack of uniform terminology in the field of maritime law both at the level of domestic legislation and at the level of international legal regulation. The author attributes some of the reasons for the difficulties and shortcomings of the legal regulation of the status of artificial islands to the low level of development of this area of international and national law, since scientific and technological progress in the creation of artificial islands is significantly ahead of progress in terms of legal development. Taking this into account, the author emphasizes the importance of overcoming the lag in the field of legal regulation under consideration both at the national level and at the level of international law. The article also raises the issue of the potential development of technologies for creating artificial islands, which may complicate the application of

international law to them in the existing version. This circumstance is cited as one of the arguments in favor of fundamental transformations in the field of international legal regulation under consideration.

Keywords: exclusive economic zone, artificial islands, Convention on the Territorial Sea and the Contiguous Zone, United Nations Convention on the Law of the Sea, legal status of artificial islands, territory of the state

Введение

Научно-технический прогресс к настоящему времени достиг такого уровня, что позволяет создавать искусственные острова, которые во многом аналогичны островам естественным, но имеют свою специфику, а потому вопросы определения правового режима требуют особого внимания. При этом международное право в части определения статуса указанных объектов можно считать далёким от совершенства, что в значительной степени актуализирует выбранную тему.

Трудности в решении проблемы определения международно-правового статуса искусственных островов опосредуются несогласованностью норм законодательства разных государств, а обеспечить такую согласованность на сегодняшний день пока невозможно, особенно с учётом того, что даже само понятие «искусственный остров» остаётся предметом острых дискуссий.

По изложенным причинам имеется необходимость оценить состояние современного международного права с точки зрения регулирования статуса искусственных островов, определить возможные направления и перспективы его развития.

Основная часть

Вопросам регулирования статуса искусственных островов посвящены нормы и национального законодательства, и международного права, потому необходимо рассмотреть как одни, так и другие. И в первую очередь выделим Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О внутренних

морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» [3], содержащий ст. 4.1, посвященную именно вопросам искусственных островов, установок и сооружений, но именно во внутренних морских водах и в территориальном море Российской Федерации. В ч. 1 статьи говорится, что «под искусственными островами понимаются стационарно закрепленные в соответствии с проектной документацией на их создание по месту расположения во внутренних морских водах, в территориальном море Российской Федерации объекты (искусственно сооруженные конструкции), имеющие намывное, насыпное, свайное и (или) иные неплавучие опорные основания, выступающие над поверхностью воды при максимальном приливе».

То есть данное определение формирует достаточно конкретное представление о том, чем же является и де-юре, и де-факто искусственный остров.

Стоит отметить на наличие принципиального отличия острова от установок и сооружений, которые могут быть не только стационарно, но и гибко закреплены, являясь стационарными или плавучими (подвижными), а также подводными.

Федеральный закон от 19.07.2011 № 246-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] в ст. 3 содержит понятие искусственного земельного участка, созданного на водном объекте. Под таким участком понимается «сооружение, создаваемое на водном объекте, находящемся в федеральной собственности, или его части путем намыва или отсыпки донного грунта либо использования иных технологий и признаваемое после ввода его в эксплуатацию также земельным участком». При этом искусственно созданный земельный участок может прилегать к существующим земельным участкам или быть изолированным от них. В этом случае уже становятся очевидны некоторые терминологические различия. Они обусловлены

хотя бы тем, что законодатель именно в данном случае не уточняет, что такой участок может сам по себе именоваться островом.

Но поскольку данная работа посвящена именно аспектам международного права, то более детально анализировать указанное определение не представляется нужным. Однако саму проблему обозначить будет не лишним.

Вообще надо сказать об обилии терминов, которые используются для обозначения искусственных островов и близких им объектов. Например, используются такие выражения, как:

- наиболее выдающиеся в море постоянные портовые сооружения;
- прибрежные установки;
- установки;
- сооружения;
- конструкции и оборудование [5, с. 45].

Обратимся к Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне [2], ст. 8 которой упоминает при определении границ территориального моря наиболее выдающиеся в море постоянные портовые сооружения, которые являются составной частью системы данного порта, рассматриваются как часть берега. Упоминания об искусственных островах там нет, что же касается портовых сооружений, то искусственный остров к таковым не относится, поэтому в части регулирования статуса искусственных островов указанная Конвенция содержит пробел.

В Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [1] имеются нормы, посвященные режиму как естественных, так и искусственных островов. Согласно ст. 121, остров представляет собой естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при приливе.

В ст. 60 отмечается, что прибрежное государство в исключительной экономической зоне имеет исключительное право сооружать, а также разрешать и регулировать создание, эксплуатацию и использование:

- искусственных островов;
- установок и сооружений для экономических целей;
- установок и сооружений, которые могут препятствовать осуществлению прав прибрежного государства в зоне.

Прибрежное государство имеет исключительную юрисдикцию над такими искусственными островами, установками и сооружениями, в том числе юрисдикцию в отношении таможенных, фискальных, санитарных и иммиграционных законов и правил, а также законов и правил, касающихся безопасности. С учётом изложенного становятся очевидны весьма существенные сходства искусственных островов с установками и сооружениями, хотя, они принципиально друг от друга отличаются и по техническим характеристикам, и по своей правовой природе.

Рассматриваемая конвенция предписывает надлежащим образом оповещать о создании искусственных островов, также не допускать, чтобы они оставались в неисправном виде, неиспользуемыми или покинутыми. В подобного рода случаях возникает обязательство их убрать в целях обеспечения безопасности судоходства. Причём обязательным является учёт интересов рыболовства, защиты морской среды, прав и обязанностей других стран. Перечисленные требования продиктованы тем, что создание искусственного острова, как и его эксплуатация, затрагивает сферу интересов не только государства, которое его создаёт, но и зачастую других государств, особенно с учётом того, что море является общим.

Ч. 8 ст. 60 предусматривает, что искусственные острова, установки и сооружения не обладают статусом островов. Они не имеют своего территориального моря, и их наличие не влияет на определение границ территориального моря, исключительной экономической зоны или континентального шельфа. В этом состоит специфика искусственного острова и его принципиальное отличие от острова естественного. Хотя нельзя исключить,

что в дальнейшем такой взгляд на искусственные острова может быть пересмотрен.

Стоит подчеркнуть, что на международном уровне вопросы правового регулирования статуса искусственных островов требуют более основательного подхода, особенно с учётом того, что имеющиеся в Конвенции 1982 г. основания разграничения требуют уточнения. В литературе их предлагается конкретизировать на уровне национального законодательства Российской Федерации. При этом в числе признаков искусственного острова можно обозначить его постоянную физическую связь с морским дном, его особенность как рукотворного поднятия морского дна [5, с. 56].

Примечательно, что Конвенция 1982 г. принципиально не различает установки сооружения, устройства, оборудование, исходя из чего в литературе делается вывод о наличии некоего единого конвенционного понятия [5, с. 56]. Отсюда и определённые сложности в отграничении искусственного острова от указанных объектов.

Определённые сложности в правовом регулировании статуса искусственного острова связаны с многообразием технологий, методов, материалов, которые используются для их создания. В литературе в этой связи выделяются традиционные и инновационные методы. Причём традиционные базируются на технологии отсыпки с использованием грунтового, свайного, шестироидного и мусорного материала; инновационные методы базируются на такой технологии строительства, как намыв, при этом материал может использоваться вулканический, габионный, мусорный, ледяной [6, с. 235].

Основными лимитирующими факторами при создании искусственных островов являются рентабельность и возникающие экологические проблемы. Вместе с тем последние стимулируют совершенствование методов создания искусственных островов, в основу которых ложится эколого-экономическая эффективность. Это в свою очередь позволяет задачам, возлагаемым на искусственные острова, выйти на новый уровень в контексте концепции

устойчивого развития [6, с. 237]. Это свидетельствует о том, что в обозримой перспективе вполне могут возникнуть иные технологии, которые не охватываются нормами международного права или национального законодательства, а потому важно эти нюансы учитывать в рамках разработки мер совершенствования правового регулирования.

В контексте рассматриваемой проблематики нельзя не затронуть ещё одного весьма существенного нюанса: Конвенции 1982 г. и Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г. формально не распространяются на искусственные острова, что следует из отсутствия в тексте соответствующих статей термина «искусственные острова», хотя в этих статьях сделан акцент именно на покинутых и более не эксплуатируемых «установках», «сооружениях». Потому пробелом в международном праве является вопрос об обязанности государства «рекультивировать» морское дно, если данное государство более не использует ранее созданный искусственный остров, особенно в общем контексте современной «экологизации» международного права [7, с. 19].

Заключение

Таким образом, международно-правовое регулирование статуса искусственных островов пока остаётся на относительно невысоком уровне развития, и эту сферу регулирования важно развивать, адаптируя к существующему уровню развития технологий, позволяющих создавать искусственные острова.

Нельзя исключить, что в ближайшем будущем могут быть разработаны какие-либо новые технологии создания искусственных островов, в условиях которых осложнятся возможности применения существующих норм международного права к вновь создаваемым островам. Поэтому международное сообщество, обеспечивающее регулирование данной сферы отношений, должно быть к этому готово.

Вопросы статуса искусственных островов должны быть более детально урегулированы на международном уровне, в том числе с учётом известных технологий создания искусственных островов. Для целей обеспечения такого регулирования в нормативном определении искусственного острова есть необходимость перечисления тех известных технологий, посредством которых такой остров может быть создан.

Список литературы

1. Конвенция ООН по морскому праву (принята в г. Монтего-Бей 10.12.1982) // Официальный портал ООН. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дат обращения: 20.07.2025).
2. Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне (принята в г. Женева 29.04.1958) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 43.
3. Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 19.07.2011 № 246-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Вылегжанин А.Н., Крымская К.В. Международно-правовой режим искусственных островов и иных стационарных конструкций в море // Московский журнал международного права. 2018. № 2. С. 42–57.
6. Иванов А.Н., Кобзева Ю.А. Географические аспекты создания искусственных островов // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природа, население, хозяйство территорий: сб. тр. конф. (г. Владивосток, 02–23 апреля 2021 г.). Владивосток, 2021. С. 234-238.

7. Крымская К.В. Современный международно-правовой режим искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 203 с.

References

1. Konvenciya OON po morskemu pravu (prinyata v g. Montego-Bej 10.12.1982) // Oficial'nyj portal OON. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (dat obrashheniya: 20.07.2025).
2. Konvenciya o territorial'nom more i prilezhashhej zone (prinyata v g. Zheneva 29.04.1958) // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1964. № 43.
3. Federal'nyj zakon ot 31.07.1998 № 155-FZ (red. ot 19.10.2023) «O vnutrennix morskix vodax, territorial'nom more i prilezhashhej zone Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Federal'nyj zakon ot 19.07.2011 № 246-FZ (red. ot 25.12.2023) «Ob iskusstvennyx zemel'nyx uchastkax, sozdannyx na vodnyx ob'ektax, naxodyashhixsya v federal'noj sobstvennosti, i o vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Vy'legzhanin A.N., Kry'mskaya K.V. Mezhdunarodno-pravovoj rezhim iskusstvennyx ostrovov i iny'x stacionarnyx konstrukcij v more // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2018. № 2. S. 42–57.
6. Ivanov A.N., Kobzeva Yu.A. Geograficheskie aspekty' sozdaniya iskusstvennyx ostrovov // Geosistemy Severo-Vostochnoj Azii: priroda, naselenie, xozyajstvo territorij: sb. tr. konf. (g. Vladivostok, 02–23 aprelya 2021 g.). Vladivostok, 2021. S. 234-238.
7. Kry'mskaya K.V. Sovremennyj mezhdunarodno-pravovoj rezhim iskusstvennyx ostrovov, ustanovok i sooruzhenij na kontinental'nom shel'fe: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2021. 203 s.

Научная статья

УДК 341.24

НЕРАТИФИЦИРОВАННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОРА: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ

**Кларк Валери, Ph.D., Департамент исправительных учреждений
Миннесоты, Сент-Пол, Миннесота, США, valclark.mndept@mail.ru**

Аннотация

Цель статьи – уточнение юридического статуса нератифицированного международного договора с позиции признания (непризнания) юридической силы. Первоначально в ней рассматриваются положения Федерального закона «О международных договорах» в контексте вопроса ратификации, отмечается неоднозначность использования указанного термина и наличие синонимов – «утверждение», «принятие», «присоединение». Ратификация характеризуется как важнейшее условие вступления международного договора, особенно применительно к договорам, регламентирующим наиболее значимые аспекты правоотношений, в том числе права человека, разграничение территорий, участие в международных организациях и регулирование международных отношений. Центральная проблема связана с возможностью (невозможностью) применения норм договоров, не прошедших процедуру ратификации. Конституционный Суд РФ в этом плане продемонстрировал принципиально разные позиции, когда в 2012 год допустил возможность применения нератифицированного договора, а в 2020 года исключил такую возможность, но уже применительно к иной сфере правоотношений. Авторам даётся собственная оценка такого пересмотра официальных взглядов на значимость ратификации. Рассматриваются и положения Венской конвенции о праве международных договоров, а также некоторые другие международные документы. Делаются выводы о правовой роли ратификации и силе нератифицированного международного договора.

Ключевые слова: Венская конвенция, нератифицированный договор, отказ от ратификации договора, ратификация, ратифицированный договор, юридическая сила международного договора

Статья поступила в редакцию 10.07.2025, одобрена после рецензирования 11.09.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

NON-RATIFIED INTERNATIONAL TREATIES: CONTROVERSIAL ISSUES OF LEGAL FORCE ASSESSMENT

**Valerie Clark, Ph.D., Minnesota Department of Corrections, Saint Paul,
Minnesota, USA**

Abstract

The purpose of the article is to clarify the legal status of an unratified international treaty from the standpoint of recognition (non–recognition) of legal force. Initially, it examines the provisions of the Federal Law "On International Treaties" in the context of the issue of ratification, notes the ambiguity of the use of the term and the presence of synonyms – "approval", "acceptance", "accession". Ratification is characterized as the most important condition for the entry into force of an international treaty, especially in relation to treaties regulating the most significant aspects of legal relations, including human rights, territorial delimitation, participation in international organizations and regulation of international relations. The central problem is related to the possibility (impossibility) of applying the norms of treaties that have not passed the ratification procedure. The Constitutional Court of the Russian Federation demonstrated fundamentally different positions in this regard, when in 2012 it allowed the possibility of applying an unratified treaty, and in 2020 it excluded such a possibility, but in relation to a different sphere of legal relations. The authors give their own assessment of this revision of official views on the importance of ratification. The

provisions of the Vienna Convention on the Law of Treaties, as well as some other international documents, are also considered. Conclusions are drawn about the legal role of ratification and the force of the non-ratified international treaty.

Keywords: Vienna Convention, non-ratified treaty, refusal to ratify a treaty, ratification, ratified treaty, legal force of an international treaty

Введение

Ратификацию и в доктрине права, и в национальном законодательстве, и в международном праве принято рассматривать как закономерный итог заключения международного договора. Она отражает не только реальность намерений сторон исполнять принятые на себя обязательства, но и является условием признания за соответствующим международным договором бесспорной юридической силы. Более того, факт ратификации становится и важным условием для применения конкретного международного договора при разрешении споров в судебном порядке.

Тем не менее, не каждый договор международного уровня проходит процедуру ратификации. Некоторые из них остаются не ратифицированными на протяжении многих лет, а то и десятилетий, порождая оживлённые дискуссии и в науке, и в сообществе правоприменителей, и в среде законодателей. Ситуация осложняется неоднозначностью статуса нератифицированных договоров.

Целью статьи является уточнение юридического статуса нератифицированного международного договора с позиции признания (непризнания) юридической силы.

Основная часть

Первоначально необходимо уточнить правовой смысл понятия «ратификация». В ст. 2 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» [3] он трактуется в качестве формы, посредством которой государство выражает своё согласие на обязательность для него международного договора. Причём в той же

норме в качестве синонимов ратификации упоминаются и такие термины, как «утверждение», «принятие» и «присоединение». Причём все четыре понятия используются в зависимости от случая. То есть значение ратификации здесь раскрыто вполне конкретно.

При обращении к ст. 6 указанного Федерального закона становится очевидно, что ратификация является лишь одним из множества способов выражения официального согласия на признание обязательности международного договора. И исходя из конституционных норм и положений ст. 14 данного Федерального закона, де-юре ратификация оформляется посредством принятия специального федерального закона.

Надо сказать, что круг международных договоров, которые подлежат ратификации, конкретизирован в ст. 15 рассматриваемого Федерального закона. В него включены наиболее значимые категории международно-правовых соглашений, затрагивающих такие стороны общественной и государственной жизни, как:

- права и свободы человека и гражданина;
- разграничение территорий;
- регламентация межгосударственных отношений;
- участие в международных организациях.

Однако в рассматриваемом Федеральном законе признается возможность временного применения международного договора как в целом, так и в части до его вступления в законную силу, то есть, как надо полагать, до ратификации. Эта возможность порождает некоторые вопросы относительно правового статуса и юридической силы соответствующих международных договоров, которые не прошли процедуру ратификации.

Определённые вопросы порождает и ст. 24 рассматриваемого Федерального закона, которая признает международные договоры вступившими в силу для России в порядке и сроки, предусмотренные в соответствующем договоре или согласованные договаривающимися сторонами, но именно в

соответствии с данным федеральным законом. Из этого не вполне понятны и прочие нюансы, связанные с оценкой юридической силы нератифицированных договоров.

В свете сказанного стоит обратиться к позиции Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), которую он изложил в своем Определении № 2867-О-Р от 24.12.2020 [4]. Указанный документ представляется крайне интересным тем, что в нём затрагивается не только аспект конституционности норм закона, позволяющих применять не вступивший в силу международный договор, но и даются некоторые пояснения относительно Постановления КС РФ от 27.03.2012 № 8-П. Здесь стоит напомнить, что в 2012 г. КС РФ сформулировал позицию, исходя из которой, не вступившие в силу международные договоры допускается применять, даже если они затрагивают права и свободы человека и гражданина, устанавливают иные правила, чем предусмотрено законом.

В 2020 г. вновь возникла необходимость конкретизировать данные ранее разъяснения, однако вопрос касался уже не прав и свобод человека и гражданина, а возможности временного применения норм международного договора, не вступившего в законную силу, предусматривающих передачу споров между Россией и зарубежными инвесторами на рассмотрение международного арбитража. Это одновременно означает и исключение соответствующих споров из юрисдикции российских судов. В этой связи КС РФ однозначно указал на недопустимость применения подобного рода международных договоров именно ввиду непрохождения ими процедуры ратификации.

Полагаем, что такой взгляд на проблематику нератифицированных международных договоров характеризуется некоторой неоднозначностью. Фактически КС РФ допустил применение разных подходов к разрешению пусть и не полностью идентичных, но, тем не менее, близких друг другу по своему характеру ситуаций.

Конечно, более убедительной представляется последняя позиция КС РФЮ особенно если иметь ввиду, что смысл ратификации состоит в выражении

согласия государства на применение соответствующего международного договора. И в таком случае отсутствие ратификации означает и отсутствие соответствующего согласия. Отсюда возникает закономерный вопрос: на каких основаниях в полной мере не одобренный международный договор должен или может применяться в России? Поэтому думается, что сами нормы о возможности применения международного договора до вступления его в силу не имеют под собой чётких конституционно-правовых оснований, по крайней мере на уровне национального законодательства.

А имеются ли четкие международно-правовые основания для признания юридической силы нератифицированного международного договора? Для ответа на данный вопрос следует обратиться к Венской конвенции о праве международных договоров [1], которая демонстрирует в целом тот же подход, который отражён и в нормах российского законодательства, в том числе, упоминая синонимы понятия «ратификация».

В ст. 27 указывается на отсутствие права у государства ссылаться на своё внутреннее законодательство, оправдывая тем самым неисполнение международного договора. То есть, исходя из смысла норм международного права, вопрос ратификации должен регулироваться именно на международном уровне.

Нельзя не обратить внимание и на Руководство ООН по международным договорам [2]. Исходя из позиции ООН, отражённой в указанном документе, временное применение договора возможно, даже если он не вступил в законную силу. Речь в данном случае ведётся именно о нератифицированных соглашениях. Причём их исполнение именуется именно односторонним актом соответствующего государства. Это означает, что ни кто не может понудить государство к исполнению договора, который не прошёл процедуру ратификации.

То есть создаётся весьма противоречивая ситуация, когда имеет место быть договор, но государство не обязано его выполнять. Во всяком случае, к

тому есть вполне конкретные формальные основания. Более того, документ о ратификации, по сути, является внутренним, и исходя из тех же положений Венской конвенции, не имеет значения для решения вопроса о юридической силе соответствующего международного договора. С другой стороны, и нормы международного права допускают применение нератифицированного договора. А если ведётся речь о применении какого-либо документа, то однозначно можно утверждать о том, что он так или иначе имеет юридическое значение, юридическую силу.

В этой связи стоит обратиться к трудам российских исследователей, которые рассматривали данную проблематику.

Так, Я. Овсянникова подчёркивает использование отказа от ратификации в качестве инструмента, позволяющего уклоняться от ответственности в связи с международными обязательствами [6]. Думается, что сохранение международного договора нератифицированным действительно даёт много возможностей для обеспечения гибкости при ведении международной политики, ведь государству никто не препятствует исполнять взятые на себя в соответствии с международным договором обязательства, при том отсутствует юридическая возможность привлечь к ответственности. Одновременно с этим государство поддерживает позитивный характер отношений с соответствующими международными партнёрами, заключая договоры, даже если не намерено их исполнять.

Однако проблема в том, что в международном праве действует принцип взаимности. В каких-то случаях он применяется гласно, в каких-то – негласно. И в этой связи отказ от ратификации одной страной может стать причиной отказа от ратификации договора другой страной. Конечно, в таких условиях плодотворные международные отношения развиваться не могут, а если и могут, то с определёнными ограничениями. В конечном итоге всегда возникает вопрос о том, насколько легитимным является исполнение договора, который процедуру ратификации не прошёл. Причём речь может идти не только о спорах с

иностранными организациями, гражданами или государствами. Отказ от ратификации международного договора может негативно отразиться и на интересах самого государства, отказывающегося от ратификации.

Соответственно, нератификация договора является постоянно действующей предпосылкой для возникновения самых разных споров. И надо сказать, что споры порождаются не только самим фактом отсутствия ратификации касательно отдельных международных договоров, но и некоторой противоречивостью норм международного права и национального законодательства в части оценки правового статуса нератифицированного договора.

Проблема заключается даже в том, что единообразная терминология отсутствует. Ведь, например, ст. 11 венской конвенции. Фактически приравнивает подписание договора к ратификации, поскольку и в 1, и во 2 случае государство выражает обязательность для него. Соответствующего договора. 1 с другой. С другой стороны, это принципиально разные юридические процедуры. Подписание осуществляется на международном уровне. И в целом отражает достижение определённых соглашений по тем или иным юридически значимым вопросам. Что же касается ратификации – это внутренний акт. Признание заключён подписанного ранее договора. В этой связи возникает вопрос о том, Каким образом так? Так возникает сомнение в возможности признания указанных понятий равнозначными.

В контексте изложенного уместно стоит согласиться с Овсянниковой. Подчёркивающий. Порождение нератифицированным договором Двойных стандартов и коллизий между исполнительной и законодательной властями. Ведь международный договор, как правило, заключают представители власти исполнительной вопрос же ратификации решается в рамках органов законодательной власти. И складывается ситуация, что В рамках 1 ветви власти. Государство приняло на себя обязательства, в рамках же другой такие

обязательства отрицаются или игнорируются. И в этих условиях становится вполне закономерной тенденция нератификации договоров среди других стран.

Овсянникова.

Некоторые сомни так. Кто есть? Исходя из смысла. Действующего российского законодательства, международного права и российской судебной практики нет, нет возможности сделать однозначный вывод. О том, какова юридическая сила. Имеет ли юридическую силу? Нератифицированный. Международный договор. Полагаем, что да, но именно. В рамках международного права. Если же говорить о праве национальном, он, его юридическая сила, может попросту отрицаться. Двоеточие здесь вопрос решается исключительно по усмотрению соответствующих органов власти.

Сделать вывод об отсутствии юридической силы у нератифицированного международного договора не представляется возможным и по другой весьма веской причине. М.В. Батюшкина пишет, что ратифицируемый документ является самостоятельным текстом, который проходит символическую процедуру принятия и подписания до ратификации [5, с. 11]. И если учесть, что уполномоченные на то лица соответствующий документ подписали, приняли, то он, безусловно, имеет юридическую силу. Хотя такая юридическая сила и не подтверждена ратификацией.

Однако трудно не согласиться с С.А. Труниным в том, что акт ратификации имеет далеко идущие правовые последствия [7, с. 219]. Они могут заключаться в необходимости принятия, выполнения определённых обязательств, в том числе связанных с пересмотром судебной практики, реформированием национального законодательства и т.д. Поэтому нет оснований для утверждения о том, что ратификация имеет сугубо внутреннее значение.

Заключение

Таким образом, международный договор, даже не прошедший процедуру ратификации, имеет юридическую силу, признаваемую, по крайней мере, на международном уровне. Гарантом этой юридической силы являются подписи

лиц, которые представляют государства в соответствующих международных отношениях. Более того, даже подписание международного договора в документах ООН признается как принятие соответствующего договора наравне с ратификацией.

В связи с этим ратификация является дополнительным инструментом, обеспечивающим признание международного договора, причём именно на уровне национального законодательства. И если нератифицированный договор в связи с этим может быть расценен как не подлежащий применению, по крайней мере внутри страны, то в рамках правоотношений, базирующихся на ратифицированном договоре, возникают более весомые последствия.

Список литературы

1. Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23.05.1969) // Международное публичное право: сб. документов. В 2 т. Т. 1. М.: БЕК, 1996.
2. Руководство по международным договорам (подготовлено Договорной секцией Управления по правовым вопросам ООН) // Официальный интернет-портал ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/treaty_handbook.pdf (дата обращения: 05.07.2025).
3. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
4. Определение КС РФ от 24.12.2020 № 2867-О-Р «О разьяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» // Портал КС РФ: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision507357.pdf> (дата обращения: 05.07.2025).

5. Батюшкина М.В. Ратифицирующие законы: функции – содержание – форма // Филологический вестник СурГПУ. 2020. № 1. С. 7–26.
6. Овсянникова Я. О феномене нератификации // Официальный интернет-портал МИД России. 12.10.2020. URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1443907/ (дата обращения: 05.07.2025).
7. Тронин С.А. Изменения международных норм при ратификации межгосударственных договоров // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 11А. С. 213-223.

References

1. Venskaya konvenciya o prave mezhdunarodny`x dogovorov (prinyata 23.05.1969) // Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: sb. dokumentov. V 2 t. T. 1. M.: BEK, 1996.
2. Rukovodstvo po mezhdunarodny`m dogovoram (podgotovleno Dogovornoj sekciej Upravleniya po pravovy`m voprosam OON) // Oficial`ny`j internet-portal OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/treaty_handbook.pdf (data obrashheniya: 05.07.2025).
3. Federal`ny`j zakon ot 15.07.1995 № 101-FZ (red. ot 08.12.2020) «O mezhdunarodny`x dogovorax Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1995. № 29. St. 2757.
4. Opredelenie KS RF ot 24.12.2020 № 2867-O-R «O raz`yasnenii Postanovleniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 marta 2012 goda № 8-P po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat`i 23 Federal`nogo zakona «O mezhdunarodny`x dogovorax Rossijskoj Federacii» // Portal KS RF: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision507357.pdf> (data obrashheniya: 05.07.2025).
5. Batyushkina M.V. Ratificiruyushhie zakony`: funkcii – soderzhanie – forma // Filologicheskij vestnik SurGPU. 2020. № 1. S. 7–26.

6. Ovsyannikova Ya. O fenomene neratifikacii // Oficial'nyj internet-portal MID Rossii. 12.10.2020. URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1443907/ (data obrashheniya: 05.07.2025).
7. Tronin S.A. Izmeneniya mezhdunarodny`x norm pri ratifikacii mezhdunarodny`x dogovorov // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. Tom 13. № 11A. S. 213-223.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 340.111.5

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЯ

**Дайшутов Михаил Михайлович, к.ю.н., доцент, Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, Начальник кафедры уголовного права,
kslpov_mfsar@bk.ru**

Аннотация

Актуальность темы состоит в необходимости определения момента возникновения правоотношения не только в рамках теоретического анализа, но и в практической сфере, поскольку законодательство обобщённого ответа на вопрос о моменте не дает. Предпринимая такую попытку, автор рассматривает подходы, используемые в законодательстве для определения момента возникновения отдельных правоотношения, указывая на разного рода факты, в том числе совершение определённых действий, заключение договора и пр. В литературе единообразие мнений о моменте возникновения правоотношений именно в рамках теории государства и права не выражено. При этом распространены совершенно разные взгляды относительно такого момента. Затрагивая вопрос в уголовно-правовом аспекте, автор экстраполирует разные взгляды по поводу момент порождения отношения на теорию государства и права, подчёркивая возможность признания моментом возникновения правоотношения совершения определённого деяния, установление определённого запрета, права или обязательство, принятие определённого юридически значимого документа и пр. Немаловажную роль в определении момента возникновения правоотношений играет волеизъявление, которое имеет место не только в конкретных фактах вступления субъекта в правоотношения, но и в случаях принятия юридических норм, что тоже рассматривается именно

как волеизъявление. Также обосновывается объективная невозможность установления момента применительно к возникновению отдельных правоотношений.

Ключевые слова: основания возникновения правоотношения, момент возникновения правоотношения, общественные правоотношения, прекращение правоотношения, юридический факт

Статья поступила в редакцию 22.05.2025, одобрена после рецензирования 20.07.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

CONTROVERSIAL ISSUES OF DETERMINING THE MOMENT OF THE LEGAL RELATIONSHIP

**Daishutov Mikhail Mikhailovich, Candidate of Law, Associate Professor,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
V.Ya. Kikot, Head of the Department of Criminal Law**

Abstract

The relevance of the topic lies in the need to determine the moment of the emergence of a legal relationship not only within the framework of theoretical analysis, but also in the practical sphere, since legislation does not provide a generalized answer to the question of the moment. In making such an attempt, the author examines the approaches used in legislation to determine the moment when certain legal relationships arise, pointing out various kinds of facts, including the commission of certain actions, the conclusion of a contract, etc. In the literature, the uniformity of opinions about the moment of the emergence of legal relations is not expressed precisely within the framework of the theory of state and law. At the same time, there are completely different views about this moment. Touching upon the issue in the criminal law aspect, the author extrapolates different views on the moment of the origin of the relationship to the theory of state and law, emphasizing the possibility of

recognizing the moment of the origin of a legal relationship as the commission of a certain act, the establishment of a certain prohibition, right or obligation, the adoption of a certain legally significant document, etc. An important role in determining the moment of the emergence of legal relations is played by the expression of will, which takes place not only in the specific facts of the subject's entry into legal relations, but also in cases of adoption of legal norms, which is also considered precisely as a will. The objective impossibility of establishing the moment in relation to the emergence of individual legal relations is also substantiated.

Keywords: grounds for the emergence of a legal relationship, the moment of the emergence of a legal relationship, public legal relations, termination of a legal relationship, a legal fact

Введение

Определение момента возникновения правоотношения важно не только для доктринальной разработки проблемы правоотношений, а значимо и с точки зрения практики нормативного регулирования и правоприменения, ведь зачастую вопрос о выборе норм в конкретной ситуации зависит именно от определения момента, когда те или иные правоотношения возникли.

Действующее законодательство не позволяет с необходимой точностью ответить на многие вопросы относительно момента возникновения правоотношений, особенно в случаях, когда факты или обстоятельства, опосредующие правоотношения, неочевидны по тем или иным причинам. А потому актуальность рассматриваемой темы каких-либо сомнений в автора не вызывает.

Основная часть

В вопросах, связанных с определением момента возникновения правоотношения, первоочередное внимание принято обращать на феномен юридического факта, что не случайно, ведь именно юридическим фактом обуславливается не только возникновение правового отношения, но и прочие

аспекты, связанные существованием, приостановлением, возобновлением, изменением или прекращением прав и обязанностей его субъектов [5, с. 99–100]. То есть юридический факт есть неотъемлемая составляющая правоотношения, затрагивающая его не только в отдельных аспектах, но и в целом.

В контексте сказанного нельзя также не согласиться с тем, что без юридических фактов нормы права остаются просто «записью на бумаге», как лингвистические тексты, а сами правоотношения не могут возникнуть в принципе. Иначе говоря, в отсутствии юридических фактов право в принципе не действует, не реализуется [5, с. 99]. Это заставляет обратить самое пристальное внимание на феномен юридического факта именно в контексте определения момента возникновения правового отношения.

Для более наглядного описания существующей проблемы уместно обратить внимание на отдельные случаи, в которых порождаются те или иные общественные правоотношения. Например, в рамках гражданского законодательства конкретные правоотношения могут порождаться:

- заключением договора;
- причинением вреда;
- предъявлением исковых требований и пр.

В рамках семейного права конкретные правоотношения могут порождаться, в частности, фактами:

- государственной регистрации брака;
- расторжения брака;
- рождения детей и пр.

То есть во многих случаях является вполне очевидным момент возникновения соответствующего правоотношения, отождествляемый с моментом свершения того или иного факта, имеющего конкретную фиксацию во времени. Так, не представляет сложностей, как правило, определение момента возникновения правоотношений в рамках заключённого гражданско-правового

договора (здесь не берутся в расчет случаи, когда момент заключения договора по тем или иным причинам определить затруднительно).

Роль юридического факта в возникновении правового отношения очевидна и каких-либо сомнений не вызывает, а это, в свою очередь, даёт возможность сделать однозначный вывод, определяющий роль юридического факта. Соответственно, момент совершения юридического факта так или иначе соотносится с моментом возникновения правового отношения. Однако данный вопрос становится не столь однозначным, если учесть, что юридические факты не всегда могут быть зафиксированы с должной точностью во времени. Более того, во многих случаях не ведётся и речи об их фиксации именно таким образом, чтобы сам момент получил определённое юридическое признание и закрепление.

То есть в отдельных случаях проблемы имеют место быть именно ввиду неясности момента свершения самого факта, которым порождается то или иное правоотношение. Например, не вполне однозначен вопрос о моменте возникновения правоотношений, связанных с причинением вреда, подлежащего возмещению в соответствии с нормами гражданского законодательства.

Поскольку в рамках настоящей статьи основной акцент делается на теоретико-правовых нюансах, то в первоочередном порядке необходимо обратиться именно к научной литературе, а не к нормам действующего законодательства, которое во многом является результатом развития доктринальных идей и юридической практики.

Н.П. Герасимова, анализируя проблематику возникновения правового отношения, подчёркивает наличие двух потенциально возможных путей:

- во-первых, само правоотношение может возникнуть в момент принятия или вступления в законную силу той или иной нормы права;
- во-вторых, в связи с определённым юридическими фактами или фактическим составом [1, с. 78].

То есть в рамках такой концепции принятие нормы и юридический факт разграничены как разные основания, определяющие момент возникновения

отношения. Соответственно, в таких случаях и подход к определению момента возникновения правоотношений будет различен. Однако на это можно взглянуть и несколько иначе. По сути, принятие и вступление в силу той или иной нормы либо её введение в обновлённом виде есть ни что иное, как юридический факт. Это умозаключение уместно и в тех случаях, когда речь идёт об отсроченном вступлении в силу правовой нормы, поскольку и отсрочка связывает вступление в силу нормы с теми или иными фактами, например, с наступлением срока.

То есть и в одном, и в другом случае юридический факт будет иметь решающее значение. Различие лишь в том, что в первом случае факт непосредственно связан с принятием, введением правовой нормы.

Учитывая изложенное, можно согласиться с Н.П. Герасимовой в том, что вопросы возникновения, функционирования, развития правоотношений крайне противоречивы [1, с. 79]. Это означает, что в принципе возможны совершенно разные взгляды на вопрос о моменте возникновения правоотношения.

Надо сказать, что все позиции относительно определения момента возникновения правоотношений систематизировать крайне сложно. И в рамках данной статьи, небольшой по объёму, такой цели не ставится. Однако уместно согласиться с О.С. Епифановым, который, ссылаясь на работы разных авторов, выделил наиболее распространённые позиции по рассматриваемой проблематике, но именно применительно к отношениям уголовно-правового характера, исходя из чего отношения могут считаться возникшими:

- с момента возложения на субъекта обязанности воздержаться от совершения определённого деяния (речь идёт именно о введении юридического запрета);
- с момента возбуждения уголовного дела;
- в момент привлечения лица в качестве обвиняемого;
- в момент вынесения приговора (поскольку речь идёт о сложном юридическом составе);
- в момент вступления в силу обвинительного приговора [2, с. 3–4].

Указанные взгляды в целом могут быть экстраполированы и на любые иные правоотношения. Соответственно, возникновение правоотношения вне контекста уголовного или уголовно-процессуального права в целом может быть связано:

- с моментом установления определённого запрета, обязанности, права;
- с принятием определённого юридически значимого решения, в том числе органом (от имени органа) власти;
- с совершением определённых юридически значимых действий, в том числе принятием определённых мер юридического характера.

Епифанов также подчёркивает, что в рамках уголовно-правовой доктрины господствующей является позиция, исходя из которой уголовно-правовые охранительные правоотношения обусловлены моментом совершения преступления, то есть деяния, которое содержит все признаки состава преступления [2, с. 3–4]. Если экстраполировать данный вывод на все прочие отношения, то момент возникновения правоотношения можно обуславливать совершением того или иного деяния в том, а именно действия либо бездействия. Однако в любом случае речь будет идти о юридически значимом факте.

Нельзя не согласиться с О.С. Епифановым в том, что решение проблемы определения момента возникновения правоотношения обусловлено преимущественно взглядами конкретных исследователей [2, с. 6]. То есть в принципе возможны разные подходы, а значит и неодинаковое определение момента применительно к одному и тому же правоотношению.

Сложность определения момента во многих случаях обусловлена именно тем обстоятельством, что юридические факты, как уже было сказано ранее, не всегда получают должную документальную или нормативную фиксацию, а потому определение момента возникновения правоотношений зачастую решается уже постфактум.

Например, в сфере трудовых правоотношений определение момента является весьма проблемной задачей, ведь господствующим является подход, в

рамках которого момент возникновения трудовых отношений связывается с моментом допуска работника к выполнению трудовых обязанностей или с моментом принятия соответствующего решения о допуске. И в этой связи трудовой договор, юридически оформленный и подписанный сторонами, может попросту отсутствовать. И если при наличии договора момент возникновения трудового правоотношения может быть установлен точно и достоверно, то, когда речь идёт о признании отношения возникшими с момента допуска работника, вопрос оказывается спорным [3, с. 11].

Довольно сложным является и вопрос, касающийся момента возникновения преддоговорных отношений. Опять же при наличии возможности достоверного установления контакта момент возникновения отношений может быть определён с достаточной точностью [6, с. 12]. Однако, когда момент возникновения контакта не установлен, то и момент возникновения правоотношений оказывается определить затруднительно, особенно в тех случаях, когда речь идёт о переговорах, носящих неформальный характер.

Тем не менее, в литературе предпринимаются попытки максимально точно определить момент возникновения преддоговорных отношений. Например, О.В. Шполтаков указывает на момент получения стороной предложения о согласовании условий, предусмотренных в ранее сделанной оферте. Однако такой взгляд тоже весьма спорны, ведь если фактического контакта не происходит, а субъект попросту игнорирует предложение или не имеет возможности с ним ознакомиться лично, становится не вполне понятно, возникнут ли правоотношения. Для иллюстрации такой ситуации уместно отметить возможность направления юридически значимого документа по адресу электронной почты, к которому адресат фактически не имеет доступа либо которым не пользуется, направление СМС-сообщения по номеру мобильного телефона, который не используется, в том числе являясь неактивным, и т.д. Думается, этот вопрос в большей мере должен решаться в формальной

плоскости, то есть исходя из того, каким образом законодатель регламентирует данные обстоятельства и факты.

Достаточно интересный взгляд продемонстрирован в работе П.С. Жерновниковой, обратившей особое внимание на волеизъявление, без которого не может возникнуть правоотношение. При этом критериями волеизъявления были выделены:

- наличие у лица желания вступить в отношения (внутренний элемент);
- выражение желания вовне;
- принятие контрагентом лица принял для себя волевое решения участвовать в правоотношениях;
- выражение контрагентом лица своего решения вовне;
- наличие у сторон равных представлений о правах, обязанностях, ожиданиях [4, с. 170–171].

Конечно, в таком случае речь идёт именно о фактах и тех правоотношениях, которые возникают на основе действующих норм. Но если взглянуть на ситуацию несколько шире, то очевидно, что определённые правоотношения, обусловленные волеизъявлением, возникают и при принятии и вступлении в силу правовых норм, являющихся результатом и проявлением волеизъявления субъекта, наделённого властью.

Заключение

Проанализировав теоретико-правовые аспекты о моменте возникновения правоотношения, делаем вывод о том, такой момент опосредуется юридически значимым фактом. При этом определяющим условием признания того или иного факта и основанием для возникновения правоотношения является волеизъявление, даже в тех случаях, когда речь идёт именно о возникновении правоотношений на основании принятия того или иного правового акта, в том числе нормативного. В такой ситуации имеет место волеизъявление, связанное с регулированием общественного отношения, а появление нормы становится предпосылкой отношения.

Приходится признать, что однозначно момент возникновения правоотношения не всегда может быть установлен по объективным причинам. В связи с этим вопрос определения момента возникновения правоотношения продолжает оставаться открытым. Думается, что в рамках теории государства и права данная проблематика должна получить более тщательную разработку, особенно применительно к тем случаям, когда момент возникновения правоотношений не фиксируется должным образом в том или ином документе.

Список литературы

1. Герасимова Н.П. Возникновение, функционирование и развитие правоотношений // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 1 (2). С. 76–80.
2. Епифанов О.С. Некоторые вопросы объекта, момента возникновения и окончания охранительного уголовно-правового отношения // Modern Science. 2020. № 3-3. С. 111–117.
3. Ершов В.В. Правоотношения: возникновение и регулирование // Правосудие. 2022. Т. 4, № 1. С. 8–27.
4. Жерновникова П.С. Волеизъявление как основание возникновения относительного правоотношения // Образование и право. 2024. № 2. С. 165–173.
5. Павлова Ю.В. Судебные акты в системе юридических фактов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 193 с.
6. Саркисян В.В. Переговоры о заключении договора в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2022. 28 с.
7. Шполтаков О.В. Понятие и юридическая сущность, момент возникновения и прекращения, содержание преддоговорных гражданско-правовых отношений // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 121–126.

References

1. Gerasimova N.P. Vozniknovenie, funkcionirovanie i razvitie pravootnoshenij // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2014. № 1 (2). S. 76–80.
2. Epifanov O.S. Nekotory'e voprosy` ob`ekta, momenta vozniknoveniya i okonchaniya oxranitel'nogo ugovovno-pravovogo otnosheniya // Modern Science. 2020. № 3-3. S. 111–117.
3. Ershov V.V. Pravootnosheniya: vozniknovenie i regulirovanie // Pravosudie. 2022. T. 4, № 1. S. 8–27.
4. Zhernovnikova P.S. Voleiz`yavlenie kak osnovanie vozniknoveniya otnositel'nogo pravootnosheniya // Obrazovanie i pravo. 2024. № 2. S. 165–173.
5. Pavlova Yu.V. Sudebny'e akty` v sisteme yuridicheskix faktov: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2022. 193 s.
6. Sarkisyan V.V. Peregovory` o zaklyuchenii dogovora v grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2022. 28 s.
7. Shpoltakov O.V. Ponyatie i yuridicheskaya sushhnost`, moment vozniknoveniya i prekrashheniya, sodержanie preddogovorny`x grazhdansko-pravovy`x otnoshenij // Probely` v rossijskom zakonodatel'stve. 2015. № 1. S. 121–126.

Научная статья

УДК 342

О ДОПУСТИМОСТИ ИЗЪЯТИЙ ИЗ ПРИНЦИПА РАВНОПРАВИА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РАМКАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

**Гавриилидес Тео, Ph.D., профессор, Бакингемширский Новый
университет, samjeffgriff_au@mail.ru**

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы принципа равноправия мужчины и женщины. Основное внимание уделяется теоретико-правовому осмыслению данного принципа и выявлению недостатков в его обеспечении в контексте конституционного и уголовного законодательства. Автор отмечает отступление законодателя от указанного принципа в случаях установления наказаний за совершение особо тяжких преступлений. Указывается на предусмотренные нормами УК РФ изъятия из принципа равенства, выражающиеся в невозможности назначения женщине пожизненного лишения свободы даже за совершение особо тяжких деяний. Также рассматриваются некоторые предоставленные женщинам преимущества в случаях решения вопроса об отсрочке исполнения наказания. Автор выражает поддержку учёных, усматривающих в российском законодательстве дискриминационный подход к регулированию ответственности, в том числе уголовный, причём именно в зависимости от половой принадлежности. При этом дискриминация не усматривается в случаях, когда отступление от идеи равенства продиктовано исполнением женщины функции материнства. С учётом этого автором предлагается отказ от изъятий из конституционного принципа равенства в пользу женщины, если такие изъятия не связаны с выполнением ею функции материнства.

Ключевые слова: дискриминация, изъятия из принципа равноправия, принцип равноправия, равноправие мужчин и женщин, принципы юридической ответственности, уголовная ответственность

Статья поступила в редакцию 03.06.2025, одобрена после рецензирования 05.08.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

ON THE PERMISSIBILITY OF EXCEPTIONS TO THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF MEN AND WOMEN IN THE FRAMEWORK OF THE REGULATION OF LEGAL LIABILITY

Gavrielides Theo, Ph.D., Professor, Buckinghamshire New University

Abstract

The article discusses some topical issues of the principle of equality between men and women. The main attention is paid to the theoretical and legal understanding of this principle and the identification of shortcomings in its enforcement in the context of constitutional and criminal legislation. The author notes the departure of the legislator from this principle in cases of establishing penalties for the commission of particularly serious crimes. It points to the exceptions provided for by the norms of the Criminal Code of the Russian Federation from the principle of equality, expressed in the impossibility of assigning a woman to life imprisonment even for committing particularly serious acts. Some of the advantages provided to women in cases of a decision on the postponement of punishment are also considered. The author expresses his support for scientists who see in Russian legislation a discriminatory approach to regulating liability, including criminal liability, and specifically depending on gender. At the same time, discrimination is not seen in cases where a deviation from the idea of equality is dictated by a woman's performance of the function of motherhood. With this in mind, the author suggests the rejection of exceptions to the constitutional

principle of equality in favor of a woman, if such exceptions are not related to her performance of the function of motherhood.

Keywords: discrimination, exceptions to the principle of equality, the principle of equality, equality of men and women, principles of legal responsibility, criminal liability

Введение

И в теории государства и права, и в международном праве, в национальном законодательстве идея правового равенства мужчины и женщины в целом не подвергается сомнению, и это справедливо. Именно к этой идее обращаются и субъекты правотворческой деятельности, и исследователи, и правоприменители для решения многих социально и юридически значимых вопросов. Тем не менее, сама тема равенства мужчин и женщин не является беспроблемной даже с теоретической точки зрения, а когда речь идёт о нормативном установлении условия юридической ответственности, в особенности уголовной, эта тема становится особенно проблемной.

Нормы действующего законодательства, апеллирующие к принципу правового равенства мужчин и женщин, часто допускают отступление от данного принципа, что порождает дискуссии. И некоторые проблемные вопросы в рамках данной статьи предполагается затронуть в позиции поиска путей преодоления дискриминации правовых норм в регулировании ответственности.

Основная часть

Говоря о принципе равенства в целом, нельзя не заметить, что идеи справедливости, служащие бесспорным ориентиром для общества и государство в любой сфере отношений, базируются в том числе и на этом принципе. Что же касается принципа равенства именно мужчины и женщины, то он является одним из аспектов равенства в целом. Учитывая же главенствующее положение идеи справедливости в системе социальных ценностей [5, с. 19], можно с

уверенностью заявить и об особой важности идеи равенства мужчины и женщины, особенно в условиях современного общества.

Изложенное отражает в как взгляды научного сообщества в целом, так и взгляды законодателя. И в этой связи не может остаться без внимания российское законодательство, так или иначе затрагивавшее вопросы равенства человека независимо от его пола. Причём речь идёт не только о современном российском, но и о законодательстве советском, поскольку современное законодательство в определённой степени сохраняет преемственность по отношению к советскому праву.

Уместно подчеркнуть, что до 1936 г. вопросы равенства мужчин и женщин прямого нормативного закрепления не получили, хотя фактически государство развивалось именно в направлении обеспечения равенства. С 1936 по 1977 гг. вопросам обеспечения равенства мужчины и женщины уделялось пристальное внимание, при этом использовался усечённо-отраслевой подход к закреплению рассматриваемого принципа и соответствующая формулировка «равные права – равные возможности». С 1977 по 1991 гг. получил нормативное воплощение уже универсально- гарантийный способ закрепления равенства, а прежняя формула «равные права – равные возможности» осталась. С 1991 по 1993 гг. (в годы межконституционного периода) идеи равенства мужчин и женщин тоже находили воплощение, причём именно в декларативной форме. С принятием Конституции 1993 г. [1] начался современный конституционный период, где идея равенства стала воплощаться наиболее целостно [10, с. 58–59].

В связи с изложенным уместно обратиться к отдельным конституционным нормам, отражающим идеи о равенстве мужчины и женщины, господствующие не только в российском законодательстве, но и в государственно-правовой доктрине.

Ст. 19 Конституции РФ провозглашает равенство всех перед законом и судом, а также равные гарантии вне зависимости, в том числе, от пола. Более того, в данной норме имеет и прямое закрепление равных прав и свобод, а также

равных возможностей мужчин и женщин. Указанные идеи, бесспорно, представляются основополагающими, не подлежащему сомнению. Их конституционное закрепление есть объективная необходимость. Что же касается соблюдения данных идей в практике, то это совершенно другой вопрос.

Ст. 20 Конституции РФ тоже требует особого внимания, поскольку в ней содержится гарантия права на жизнь каждому. А также предусмотрена возможность установления смертной казни в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни. И несмотря на отсутствие прямого упоминания равенства мужчины и женщины в контексте реализации данного права, указание на «всех» свидетельствует о том, что законодатель презюмирует и равенство независимо от пола.

В контексте изложенного можно сказать, что на конституционном уровне идея равенства мужчины и женщины в целом закреплена так, как того следовало бы ожидать. При этом многие конституционные идеи, в том числе о равенстве мужчины и женщины, находят продолжение в других источниках федерального законодательства, в частности, в нормах Уголовного кодекса РФ [УК] (УК РФ). И именно при обращении к таким источникам становится очевидной проблема не вполне последовательного обеспечения равенства граждан вне зависимости от их пола применительно к регулированию ответственности.

Здесь надо обратить внимание, в частности, на ст. 4 УК РФ, также провозглашающей принцип равенства граждан перед законом, в том числе независимо от их половой принадлежности, причём именно в контексте возможности привлечения к уголовной ответственности за содеянные преступные деяния.

В ст. 6 УК РФ конкретизируется принцип справедливости в контексте реализации мер уголовной ответственности. И данный принцип отражает соответствие наказания характеру, степени общественной опасности преступления, а также обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Казалось бы, указанных идей достаточно для того, чтобы в полной мере и последовательно реализовывать принцип равенства, по крайней мере в контексте уголовной ответственности. Однако другие нормы, регламентирующие отдельные виды уголовных наказаний и вопросы их исполнения, свидетельствуют о том, что законодатель определённо отклоняется от своей линии на обеспечение равенства мужчины и женщины. Наиболее очевидным это становится при обращении к ст. 57 УК РФ, предусматривающей возможность назначения пожизненного лишения свободы за совершение особо тяжких преступных деяний, посягающих на жизнь, здоровье, общественную нравственность, безопасность, основы конституционного строя и безопасность государства, половую неприкосновенность несовершеннолетних. Сами категории преступлений, за которые пожизненное наказание может быть назначено, представляются включёнными в этот список вполне обоснованно.

Но некоторые вопросы вызывает ч. 2 ст. 57 УК РФ, исходя из которой пожизненное лишение свободы не может быть назначено женщинам, лицам, совершившим преступления до наступления совершеннолетия, а также достигшим к моменту вынесения приговора возраста 65 лет. В рамках данного исследования интерес представляет именно исключение женщин из категории лиц, которым пожизненное лишение свободы может быть назначено. По мнению автора, здесь имеет место совершенно очевидное отступление от идеи равенства независимо от пола.

Конечно, можно полагать, что законодатель, исключая женщин из категории лиц, которым может быть назначено пожизненное лишение свободы, стремился максимально гуманизировать рассматриваемый вид юридической ответственности. Однако речь идёт об исключительных случаях, когда имеет место посягательство на жизнь и иные особо значимые ценности для человека, общества и всего государства. В связи с этим возникает вопрос о том, уместно ли гуманизировать законодательство именно по половому признаку применительно указанным категориям деяний? Думается, что нет.

Определённый интерес представляет и ст. 82 УК РФ, предусматривающая возможность отсрочки отбывания наказания. Так, ч 1 позволяет предоставить отсрочку от отбывания наказания, в частности:

- беременной женщине;
- женщине, имеющей ребёнка в возрасте до 14 лет;
- мужчине, имеющему ребёнка в возрасте до 14 лет и являющемуся единственным родителем.

Иные основания интереса не представляют и внимание целесообразно сосредоточить на перечисленных трех. Очевидно, что в случае возможности предоставления отсрочки беременной женщине государство заботится не столько о ней, сколько о её ребёнке, хотя, безусловно, учитываются и её интересы. Более того, здесь усматривается и совершенно конкретный общественный и государственный интерес: необходимо обеспечить возможность рождения ребёнка в более или менее приемлемых условиях, чтобы на нем не отразилось пребывание в местах лишения свободы, исходя из чего и допускается отсрочка отбывания наказания.

Что же касается предоставления отсрочки женщине, имеющей ребёнка в возрасте до 14 лет, то, на первый взгляд, вопросов данное основание тоже не вызывает, поскольку любой ребёнок нуждается не только в материнской заботе, но и в целом в родительском воспитании. Однако здесь видятся совершенно принципиальные различия в обеспечении возможности реализации права на отсрочку от отбывания наказания для мужчины и женщины: если женщина имеет право получить отсрочку от отбывания наказания даже не будучи единственным родителем, воспитывая ребёнка вместе с мужем, то мужчина вправе претендовать на отсрочку лишь при условии, когда он является единственным родителем. Отсюда возникает вопрос о том, в связи с чем законодатель допустил такое отступление от идеи равенства?

Конечно, уголовно-правовая сфера является не единственной, где допускаются существенные отклонения от идей равенства в контексте

регулирования ответственности, однако именно в сфере уголовного законодательства отступления от указанного принципа являются наиболее очевидными. И здесь уместно сказать, что в научной литературе встречается немало критических оценок такого подхода к регламентации ответственности. Например, Д.Е. Зайков указывает на существенный характер нарушений принципа равенства прав и свобод мужчины и женщины. При этом возможности устранения неравенства указанный автор видит не только в улучшении положения той или иной категории лиц, но, очевидно, и в ухудшении [7, с. 38-39]. С ним возможным согласиться.

Представляется возможным согласиться с автором и в том, что во многом проблема обеспечения равенства мужчины и женщины основывается на идеях недопустимости предоставления необоснованного приоритета, как и необоснованного ограничения прав и свобод [7, с. 39]. Иными словами, правовая доктрина допускает отклонение от идеи равенства, но такие отступления должны быть чем-то обоснованы, причём обоснованно весьма убедительно.

Стоит признать, что доктринальные идеи об уголовной ответственности реализуются в нормах действующего законодательства не в полной мере, на что указывают, в частности, А.В. Малько и ряд других исследователей [9, с. 30]. Думается, такая проблема свойственна и многим другим сферам правового регулирования, в том числе регулирования ответственности.

Говоря о конкретных изъятиях из принципа равенства в рамках реализации уголовной ответственности, стоит отметить солидарность учёных в вопросе обоснованности отсрочки от исполнения наказания беременным женщинам, как и женщинам, имеющим детей: такая отсрочка уместна в связи с выполнением женщиной функции материнства. Однако многие изъятия из принципа равенства в пользу женщин с функцией материнства не связаны. В частности, это касается невозможности назначения женщине пожизненного лишения свободы. И в этом видится необоснованный гуманизм [6, с. 151–152].

И хотя отмечается соответствие существующего порядка нормам международного права [4, с. 29], отрицать дискриминационность идей отступления от принципа равенства именно в пользу женщин вряд ли уместно. Такое отступление становится совершенно очевидным при обращении к нормам УК РФ [8].

Нельзя не обратить внимание на то, что ст. 57 УК РФ уже становилась предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, который пришёл к выводу о полном соответствии данной нормы конституционным положениям. Причем свою позицию данный Суд аргументировал, в том числе, ссылкой на принцип гуманизма и физиологические особенности различных категорий лиц [3]. Причём аргументация была крайне размытой.

Заключение

Изъятие из принципа равноправия мужчины и женщины и в рамках правовой доктрины, и в рамках действующего законодательства признаются в целом уместными. Однако к оценке допустимости таких изъятий часто подходят не вполне последовательно, и это становится особенно очевидным при обращении к нормам УК РФ. В связи с изложенным уместно признать так допустимость любых изъятий по половому признаку при регулировании ответственности исключительно при наличии конкретного обоснования. И применительно к изъятиям в пользу женщин основаниям должны быть связаны исключительно с исполнением функции материнства. В иных же случаях от изъятий из принципа равенства целесообразно отказаться. Поэтому есть необходимость пересмотра подхода к регулированию наиболее строгих мер ответственности. Думается, что законодатель должен отказаться от идеи недопустимости назначения женщине пожизненного лишения свободы, если этот отказ не обусловлен выполнением функции материнства. В этом случае принцип равенства будет реализован более последовательно.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2004 № 321-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голотина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Асланян С.Г. Вопросы соблюдения гендерного равенства в правовой регламентации высших мер уголовного наказания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 3(41). С. 26–30.
5. Вантеева Н.В. Принципы юридической ответственности (структурно функциональный анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2005. 28 с.
6. Дмитриев Д.Б., Донская О.Г. Принцип равенства в уголовном праве России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 148–155
7. Зайков Д.Е. Принцип равных прав и свобод мужчин и женщин: современное состояние и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 25–42.
8. Казарина М.И., Чернопильская Г.Е. Гендерный признак при назначении наказания в уголовном праве России // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 2.
9. Малько А.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А., Маркунин Р.С. Юридическая ответственность в правовой системе России: некоторые итоги исследования и перспективы проекта // Государство и право. 2021. № 12. С. 24-34.

10. Москаленко С.А., Батова О.В. Особенности конституционного развития принципа равенства в России по гендерному признаку // Экономика. Право. Инновации. 2017. № 1. С. 57–59.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993, s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 24.06.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
3. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.10.2004 № 321-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Golotina Aleksandra Yur`evicha na narushenie ego konstitucionny`x prav chast`yu vtoroj stat`i 57 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Aslanyan S.G. Voprosy` soblyudeniya gendernogo ravenstva v pravovoj reglamentacii vy`sshix mer ugolovnogo nakazaniya // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 3(41). S. 26–30.
5. Vanteeva N.V. Principy` yuridicheskoy otvetstvennosti (strukturno funkcional'ny`j analiz): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. N.Novgorod, 2005. 28 s.
6. Dmitriev D.B., Donskaya O.G. Princip ravenstva v ugolovnom prave Rossii // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 3. S. 148–155.
7. Zajkov D.E. Princip ravny`x prav i svobod muzhchin i zhenshhin: sovremennoe sostoyanie i perspektivy` // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2020. № 4. S. 25–42.
8. Kazarina M.I., Chernopil'skaya G.E. Genderny`j priznak pri naznachenii nakazaniya v ugolovnom prave Rossii // Baikal Research Journal. 2021. T. 12, № 2.
9. Mal'ko A.V., Lipinskij D.A., Musatkina A.A., Markunin R.S. Yuridicheskaya otvetstvennost` v pravovoj sisteme Rossii: nekotory`e itogi issledovaniya i perspektivy` proekta // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 12. S. 24–34.

10. Moskalenko S.A., Batova O.V. Osobennosti konstitucionnogo razvitiya principa ravenstva v Rossii po gendernomu priznaku // E`konomika. Pravo. Innovacii. 2017. № 1. S. 57–59.

Научная статья

УДК 340.1

РАЗЛИЧИЯ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАВОВЫХ ДОКТРИН

Джохурун Джасмин Несса, к.ю.н., научный сотрудник по международному праву юридического факультета, Бристольский университет, Бристоль, Англия, Великобритания, jnnessaintl@outlook.com

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются идеи социальной справедливости в контексте социалистической и капиталистической правовых доктрин. Поскольку реальным воплощением таких доктрин стала советская и современная Россия, то соответствующие представления о справедливости рассматриваются в статье на основе основных законов – Конституции СССР 1924 г., Конституции СССР 1936 г., Конституции СССР 1977 г. и Конституции РФ 1993 г. Для раскрытия особенностей понимания феномен справедливости анализируется содержание отдельных статей указанных конституций, посвящённых регулированию правоотношений по поводу экономики, труда, собственности, личных прав и пр.; сравниваются некоторые наиболее значимые аспекты, с позиции которых формируются представления о справедливости. Наиболее существенными различиями в понимании справедливости видятся на примере норм о защите собственности, праве на землю, на средства производства, а также на труд. Противоречия, которые возникают в связи с попытками толкования справедливости в условиях социалистической и капиталистической правовых доктрин, обосновываются как неустранимые по объективным причинам. Однако, по мнению автора, частичное сочетание этих представлений в условиях правового капиталистического государства все же возможно.

Ключевые слова: капитализм, право на труд, право собственности, социализм, социалистическая собственность, справедливость, частная собственность, экономическая свобода

Статья поступила в редакцию 29.07.2025, одобрена после рецензирования 09.10.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

DIFFERENCES IN UNDERSTANDING OF THE CATEGORY OF "JUSTICE" IN THE CONTEXT OF SOCIALIST AND CAPITALIST LEGAL DOCTRINES

**Jasmin Johurun Nessa, Candidate of Law, Research Fellow in International
Law (Law Faculty), University of Bristol, Bristol, England, United Kingdom**

Abstract

This article examines the ideas of social justice in the context of socialist and capitalist legal doctrines. Since Soviet and modern Russia became the real embodiment of such doctrines, the corresponding concepts of justice are considered in the article on the basis of the basic laws – the Constitution of the USSR of 1924, the Constitution of the USSR of 1936, the Constitution of the USSR of 1977 and the Constitution of the Russian Federation of 1993. In order to reveal the specifics of understanding the phenomenon of justice, the content of individual articles of these constitutions devoted to the regulation of legal relations regarding the economy, labor, property, personal rights, etc. is analyzed; some of the most significant aspects from which ideas about justice are formed are compared. The most significant differences in the understanding of justice are seen in the example of norms on the protection of property, the right to land, to the means of production, as well as to labor. The contradictions that arise in connection with attempts to interpret justice in the context of socialist and capitalist legal doctrines are justified as unavoidable for objective reasons. However, according

to the author, a partial combination of these ideas is still possible in a legal capitalist state.

Keywords: capitalism, the right to work, property rights, socialism, socialist property, justice, private property, economic freedom

Введение

Справедливость выступает одной из фундаментальных категорий не только юриспруденции, но и экономики, социологии, философии, политологии, поскольку содержит морально-нравственные ориентиры, на которые человечество стремилось опираться во все времена. Однако в разные исторические периоды и в рамках различных правовых, социально-экономических, философских учений феномен справедливости трактовался неодинаково.

Парадокс в том, что идеи справедливости, являющиеся, на первый взгляд, общими для всех, в рамках разных учений видятся настолько неодинаково, что вступают в противоречие друг с другом. Наиболее очевидны эти противоречия в понимании справедливости становятся при сравнении социалистической и капиталистической правовых доктрины. Безусловно, эти противоречия крайне важно осмысливать, по крайней мере, для России, которая ранее развивалась в рамках социалистической правовой парадигмы, а в настоящее время продолжает развитие на основе капиталистических идей. Причём социалистические ценности и в условиях современного российского капитализма отчасти продолжают культивироваться. Эта особенность не может оставаться без внимания.

Основная часть

Если говорить о конкретных теориях, в рамках которых обосновывались идеи социальной справедливости, то их в целом можно подразделить на три группы:

- гегемонические;

- скептические;
- плюралистические [5, с. 27–28].

К группе гегемонических можно отнести те теории, которые базируются на универсальных принципах социальной справедливости. И среди них ярким представителем является Карл Маркс.

Скептические теории отличаются тем, что их сторонники в целом ставят под сомнение саму идею социальной справедливости, поскольку полагают, что социальная справедливость в практическом плане определяется исходя из интересов сильнейшей партии в обществе.

С позиции же плюралистических теорий социальная справедливость рассматривается в контексте демократического правового режима и предполагает возможность рассмотрения феномена социальной справедливости в самых разных аспектах.

В этой связи становится совершенно очевидным, что взгляды на данный феномен принципиально разнятся, и убедительным подтверждением тому являются противоречия в понимании социальной справедливости в условиях социалистической и капиталистической правовой системы.

Противоречие между социалистическим капиталистическим пониманием справедливости становится наиболее очевидным при сопоставлении основных законов советской и современной России. На этом и стоит сосредоточить основное внимание.

Если обратиться к действующей Конституции РФ [КРФ], то станет очевидно, что справедливость в ней декларируется уже в преамбуле. Также некоторые её проявления очевидны в отдельных нормах. Так, в ч. 6 ст. 75 Конституции РФ говорится системе пенсионного обеспечения граждан, базирующейся на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений. Данные идеи по своей сути не носят сугубо капиталистический или социалистический характер. Они рассматриваются как основа современного социального государства.

Между тем, в большинстве случаев идеи справедливости в нормах действующей Конституции сформулированы именно таким образом, что создаётся представление о их сугубо капиталистической основе.

Так, в ст. 8 Конституции РФ декларируется, в частности поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, а также равная защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Данные идеи, безусловно, присущи именно капитализму, особенно в той части, в какой обеспечивается равная защита разных форм собственности. Здесь справедливость проявляется именно в отношении разных категорий собственников и, по крайней мере, формальном отсутствии преференций для какой-либо одной из категорий.

Несомненно, капиталистический характер имеет и идея справедливости, декларируемая в ст. 9 Конституции РФ, позволяющая земле и прочим природным ресурсам находиться не только в государственной и муниципальной, но также в частной и иных формах собственности. Данные идеи во многом являются продолжением принципа свободы экономической деятельности.

Значимой составляющей капиталистического принципа справедливости является и право на свободное использование своих способностей, декларируемое в ст. 34 Конституции РФ. Без него практически невозможно вообразить себе экономику, базирующуюся на капиталистическом укладе.

Особо значимую роль в контексте рассматриваемой темы имеет и ст. 37 Конституции РФ, провозглашающая свободный труд и право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. В целом он также является продолжением идей, закреплённых в ст. 34 Конституции РФ.

Нельзя не обратить внимание на ст. 19, декларирующую равенство всех перед законом и судом, независимо от таких признаков, как пол, раса, национальность, язык, происхождение, имущественное должностное положение, место жительства и пр. Составляющей справедливости является и

равенство мужчины и женщины в части гарантируемых государством прав и обязанностей.

В целом можно сказать, что идеи справедливости пронизывают все аспекты общественной и государственной жизни, регулируемые Конституцией РФ. При этом само понимание справедливости выходит далеко за рамки обеспечения гражданам тех или иных прав, свобод, возможностей, гарантий.

Здесь также нельзя не сказать, что отдельные нормы или принципы, касающиеся справедливости, носят сугубо капиталистический характер. Другие же сугубо капиталистического характера не имеют. Например, гендерное равенство, признаваемое важной составляющей социальной справедливости, сугубо капиталистическим явлением нельзя назвать, в то время как свободный труд и свободу экономической деятельности, а также равенство разных форм собственности вполне можно назвать сугубо капиталистическими представлениями о справедливости.

Далее уместно обратиться к положениям советских конституций. Среди них – Конституция СССР 1924 г. [2]. Это один из первых документов, где официально на высшем уровне были закреплены идеи социализма, и многие аспекты данного документа особо интересны.

Прежде всего, в указанной Конституции отчётливо противопоставляется капитализм и социализм, подчёркивается, в частности, неравенство в условиях капитализма и взаимное доверие мир, национальная свобода, равенство. – касательно социализма.

Отличия социалистических представлений о справедливости становятся наиболее очевидными при рассмотрении конституционных норм о собственности. Так, в ст. 5 Конституции СССР 1936 г. [3] говорится о том, что социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность

кооперативных объединений). Ст. 9 гласит, что наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда.

То есть в данном случае совершенно очевидным является неравенство права собственности: социалистическая собственность охраняется в приоритетном порядке. Хотя стоит отметить, что в ст. 10 упомянуто право личной собственности, также охраняемое законом.

Примечательно то, что социалистическое видение справедливости, исходя из изложенных норм, в большей мере связано с ограничениями. Например, справедливость идеологи социализма видели не в том, чтобы каждого наделить правом быть работодателем, а в том, чтобы единственным работодателем признать государство.

Особо интересна в этом смысле и ст. 12, исходя из которой труд рассматривался принципиально иначе – не как право, а как обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

В Конституции СССР 1977 г. в целом культивировались те же идеи, в том числе и относительно труда. В этой связи интересны и положения ст. 60, гласящие, что «уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества [4].

Безусловно, здесь отражены не все идеи относительно справедливости, но общее представление, как полагаем, рассмотренные нормы относительно справедливости дают. В чем же истоки столь разного понимания, казалось бы, одного и того же феномена. Думается, что причина таких противоречий кроется в разных подходах, которые избираются в рамках каждой из систем для распределения благ, в разном понимании баланса интересов, ведь именно баланс лежит в основе идей о справедливости [7, с. 49].

Социалистическая концепция справедливости не приемлет частнокапиталистического присвоения прибавочной стоимости [6, с. 22]. В этом ее принципиальное отличие.

Проф. И.В. Упоров пишет, что чисто теоретически идея социализма (коммунизма), конечно, привлекательна. Однако эта идея не выдержала испытания социальной практикой, поскольку более естественным для человеческого сообщества является путь с капиталистическими элементами, где есть социальное и имущественное неравенство, но одновременно и правовое равенство [9, с. 125]. Полагаем, что с этим автором можно согласиться. И в этой связи стоит признать, что в рамках капиталистической правовой системы основной акцент делается на обеспечении равенства прав в целом, которое становится базой для обеспечения справедливости; в условиях же социалистической правовой модели внимание акцентируется не столько на равных правах, сколько на экономическом аспекте.

По указанным причинам противоречия между социалистическими и капиталистическими представлениями о справедливости уместно считать непреодолимыми [8, с. 60].

Заключение

Основной причиной противоречий в части понимания справедливости в условиях капиталистической и социалистической правовых систем видится то обстоятельство, что в качестве основы берутся принципиально разные феномены: если в условиях социализма основной акцент делается именно на благах экономического характера, а само равенство рассматривается именно в экономическом аспекте (хотя и правовые блага не отрицаются), то в условиях капиталистической системы основной акцент делается именно на юридической, правовой составляющей, где важно не столько экономическое равенство, сколько равенство правовое.

Поэтому противоречия в целом неустранимы, но в современных реалиях капиталистического правового государства, где господствует демократия,

некоторое сочетание капиталистических и социалистических представлений о справедливости представляется все же возможным, но лишь фрагментарным.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31.01.1924) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1924. № 150. – утратила силу.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 05.12.1936) // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. № 283. – утратила силу.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР IX созыва 07.10.1977) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617. – утратила силу.
5. Арендаренко А.В. Основные современные подходы к понятию социальной справедливости в теории права // Право и управление. XXI век. 2009. № 2(11). С. 21–29.
6. Козлов М.И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. Архангельск, 2010. 201 с.
7. Козловский В.В. «Троянский конь» борьбы за социальную справедливость: метаморфозы современной цивилизации // Современная цивилизация, капитализм и социальная справедливость: (к 150-летию со дня рождения В.И. Ленина): Сб. тезисов конференции / Отв. ред.: В.В. Козловский, Е.В. Недосека. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 49–52.

8. Петров А.А. Можно ли построить коммунизм на основе справедливости? // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2022. № 2-3(17-18). С. 44–65.
9. Упоров И.В. Социализм и капитализм в контексте социальной справедливости: дискуссионные аспекты // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 2-2(108). С. 123–126.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993, s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskix Socialisticheskix Respublik (utverzhdена II S`ezdom Sovetov Soyuzа SSR ot 31.01.1924) // Izvestiya CIK SSSR i VCIK. 1924. № 150. – utratila silu.
3. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuzа Sovetskix Socialisticheskix Respublik (utverzhdена Chrezvy`chajny'm VIII s`ezdom Sovetov Soyuzа SSR 05.12.1936) // Izvestiya CIK Soyuzа SSR i VCIK. 1936. № 283. – utratila silu.
4. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuzа Sovetskix Socialisticheskix Respublik (prinyata na vneocherednoj VII sessii Verxovnogo Soveta SSSR IX sozy`va 07.10.1977) // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1977. № 41. St. 617. – utratila silu.
5. Arendarenko A.V. Osnovny`e sovremenny`e podxody` k ponyatiyu social`noj spravedlivosti v teorii prava // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2009. № 2(11). S. 21–29.
6. Kozlov M.I. Social`naya spravedlivost` v kontekste russkoj tradicii. Arxangel`sk, 2010. 201 s.
7. Kozlovskij V.V. «Troyanskij kon`» bor`by` za social`nuyu spravedlivost`: metamorfozy` sovremennoj civilizacii // Sovremennaya civilizaciya, kapitalizm i social`naya spravedlivost`: (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya V.I. Lenina): Sb. tezisov

konferencii / Otv. red.: V.V. Kozlovskij, E.V. Nedoseka. SPb.: Intersocis, 2020. S. 49–52.

8. Petrov A.A. Mozhno li postroit` kommunizm na osnove spravedlivosti? // Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Mezhdunarodnoe pravo. 2022. № 2-3(17-18). S. 44–65.

9. Uporov I.V. Socializm i kapitalizm v kontekste social`noj spravedlivosti: diskussionny`e aspekty` // E`konomika i biznes: teoriya i praktika. 2024. № 2-2(108). S. 123–126.

Научная статья

УДК 321.7, 340.155

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ ЭЛЕМЕНТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

**Клечковска Агата, к.ю.н., доцент, Польская академия наук, Варшава,
Польша, agklechwars97@gmail.com**

Аннотация

В статье проанализированы политический и правовой элементы демократического режима. В ходе анализа представлено современное понимание демократии, отражен ее многоаспектный характер, обусловленный наличием множества концепций демократии и демократического государства, возникших в разные исторические эпохи и отражавших коллективистский, индивидуалистический и плюралистический подходы. В любом случае демократии присущи определенные элементы, отражающие возможности реализации народом его власти, которые тоже в статье рассмотрены. Правовой и политический компоненты охарактеризованы как присутствующие в любом государстве вне зависимости от его демократизма или недемократизма, и находящиеся вне зависимости от конкретной концепции демократии. Правовая составляющая обуславливается нормами законодательства, которые в большей или меньшей мере конкретны. Причем она отличается большей жесткостью в сравнении с политической, которая может изменяться в зависимости от динамики политической ситуации и позиции субъектов, пребывающих у власти. Принципиально важным положением, аргументированным автором, является признание правовой составляющей в любом государстве, но невозможность признания любого государства правовым, в чем автор видит парадокс. В целом по статье сделан вывод о приоритетной роли правовой составляющей как условия демократического режима.

Ключевые слова: государство и право, демократический режим, политический элемент государства, правовой элемент государства

Статья поступила в редакцию 12.06.2025, одобрена после рецензирования 07.08.2025, принята к публикации 10.11.2025.

Original article

POLITICAL AND LEGAL ELEMENTS OF A DEMOCRATIC REGIME

Kleczkowska Agata, PhD in Law, Associate Professor, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Abstract

The article analyzes the political and legal elements of the democratic regime. The analysis presents a modern understanding of democracy, reflects its multidimensional nature due to the presence of many concepts of democracy and a democratic state that arose in different historical epochs and reflected collectivist, individualistic and pluralistic approaches. In any case, democracy has certain elements that reflect the possibilities for the people to exercise their power, which are also discussed in the article. The legal and political components are characterized as present in any state, regardless of its democracy or non-democracy, and regardless of the specific concept of democracy. The legal component is determined by the norms of legislation, which are more or less specific. Moreover, it is characterized by greater rigidity in comparison with the political one, which may vary depending on the dynamics of the political situation and the position of the subjects in power. A fundamentally important provision argued by the author is the recognition of the legal component in any state, but the impossibility of recognizing any state as legal, which the author sees as a paradox. In general, the article concludes that the priority role of the legal component as a condition of a democratic regime.

Keywords: state and law, democratic regime, political element of the state, legal element of the state

Введение

Вопросы демократии были, являются и будут оставаться крайне актуальными и острыми всегда, поскольку государство, как и создаваемое им право, весьма несовершенны. Причем существование как государства, так и права сопряжено с постоянным прогрессом (хотя и регресс в каких-то ситуациях не исключен). Это отражает динамизм феноменов государства и права, а также необходимость постоянного поиска новых горизонтов их развития, в том числе и в плане доктринальных разработок. В таком развитии особую роль играют два базовых элемента демократии, а именно политический и правовой, которые предполагается проанализировать в этой статье.

Основная часть

Описывая современное понимание демократии, можно выразить солидарность с мнением И.П. Даниловой, что это одна из форм организации общества, в условиях которой воля большинства выступает в качестве источника власти, также соблюдаются права и свободы граждан, обеспечивается их равноправие и участие в управлении жизнью общества [3, с. 3]. Однако более правильно было бы говорить не об обществе, а именно о государстве, особенно в контексте настоящего исследования.

Тем не менее, было бы ошибкой утверждение о том, что данное определение в полной мере отражает общепринятый взгляд на демократию. Современной науке вообще известно множество концепций демократии, появившихся в разные периоды мировой истории. Все они в целом могут быть объединены в три группы: коллективистские, индивидуалистические и плюралистические концепции. К первым относятся, в частности, классические теории демократии Древней Греции, представленные в работах Платона и Аристотеля, утопическая теория Т. Мора, теория общественного договора Ж.Ж. Руссо, коммунистическая теория К. Маркса; во вторую группу принято включать либеральную теорию Т. Гоббса и Ш.Л. Монтескье; к группе плюралистических можно причислить концепцию Й. Шумпетера [7, с. 5].

Независимо от того, в рамках какой концепции демократия рассматривается, стоит подчеркнуть ее междисциплинарный характер, ведь она исследуется в рамках разных направлений научной мысли. И в этой связи нет никаких сомнений в наличии политической и правовой составляющих демократии. Отсюда возникает необходимость уточнить содержание каждого из представленных аспектов. Правовой аспект, очевидно, отражает юридическую, нормативную основу, обеспечивающую регулирование жизни общества и государства в определённом ключе. Что же касается политической составляющей, то она связана с реализацией власти в обществе и государстве. Причём в обоих случаях принципиальную роль играет именно соблюдение демократических принципов.

Подтверждая изложенные тезисы, обратимся к научным трудам некоторых российских авторов. И здесь стоит сконцентрировать внимание на термине «демократия» и производном от него понятии «демократический режим». Единообразный подход в этом аспекте, к сожалению, не сложился, и в разных доктринальных источниках представляются разные трактовки. Некоторые из них особо интересны, как и выделяемые особенности демократии. Например, М.В. Нагалина подчёркивает многомерность смысла демократического режима, наличие его связи с использованием правовых средств осуществления государственной власти [6, с. 13]. Уже в этом прослеживается не только определённая сущностная характеристика демократического режима, но и наличие взаимодействующих друг с другом элементов политики и права.

Если более детально этот нюанс характеризовать с точки зрения его механики, динамики, то можно усмотреть реализацию политических целей правовыми средствами.

Стоит согласиться с указанным автором и в том, что специфика феноменов демократии и демократического режима в разных областях научного знания может определяться неодинаково, и в этой связи именно в рамках юриспруденции тоже имеется своя специфика. Здесь основополагающую роль

демократии играет её реализация именно в рамках правового государства, в числе характеристик которого выделяются:

- народный суверенитет;
- верховенство правового закона, который выражает именно волю народа, населяющего государство;
- легальный и легитимный характер государственной власти;
- правовой характер принуждения, которое применяет государство;
- наличие взаимной ответственности государства и личности, а также общества и государство;
- наличие гражданского правосознания, причём его достаточно высокий уровень;
- независимость судебной власти;
- справедливый характер разрешения публичных споров;
- соблюдение прав человека государством [6, с. 12].

Признавая обоснованными выделенные элементы, нельзя не отметить, что каждый из них, в свою очередь, носит комплексный характер и может быть рассмотрен через призму определённой совокупности компонентов или структуры. Более того, нельзя исключить и возможность расширения указанного перечня элементов, особенно если учесть значимость практики формирования органов (институтов) публичной власти, связанной с выборами в соответствующие законодательные органы. Такая власть, безусловно, должна носить представительный характер, если рассматривать ее с позиции демократии. В этом смысле совершенно не случайно понятия «органы законодательной власти» и «органы представительной власти» зачастую рассматриваются как синонимы.

В этом контексте нельзя не отметить, что соответствующие принципы, как и элементы, на базе которых формируется система представительных органов, тоже могут быть включены в определение демократического режима.

В целом же можно сделать вывод о том, что спектр элементов, которые демократический режим может включать и с позиции которых определяется его сущность, не является исчерпывающим, хотя основные компоненты в целом каких-то сомнений не порождают.

Справедливо в науке признано, что правовая составляющая демократического режима выражается в правовом характере государства [6, с 14]. Отсюда совершенно закономерным становится вывод о том, что государство, которое правовым не является де-факто или де-юре, в качестве демократического рассмотрено быть не может, как и установившийся в нем режим, по крайней мере, если руководствоваться современными представлениями о демократии и роли правовой составляющей для неё.

Признавая наличие правовой составляющей как важного условия демократического режима, принципиально важно подчеркнуть и наличие такой составляющей в условиях недемократического режима, если говорить о современных представлениях о государстве вне зависимости от того, установилась ли в нём демократия или нет. Так или иначе, право выступает неотъемлемой составляющей любого государства; то есть даже в недемократическом тоталитарном, авторитарном государстве, в государстве абсолютной монархии право в том или ином виде имеет место быть, выступая также элементом государственного управления, общественного управления, средством поддержания установившегося режима, пусть и недемократического. Однако говорить о том, что такое государство является правовым, не приходится. В нём, очевидно, господствует именно воля отдельных лиц, пребывающих у власти, а не демократические идеи. И, конечно, право выступает скорее как инструмент, а не как ориентир.

Иными словами, в любом государстве важнейшую роль играет право, но не каждое государство является правовым. В этой связи условием демократического режима является не само право, которое имеет определённые

характеристики, а именно правовой характер государства, где важна роль права как инструмента обеспечения демократических прав и свобод.

Политический компонент демократического режима касается в большей мере не закона, а именно политики в целом, самой политической системы, процессов, происходящих в обществе и государстве, которые могут именоваться политическими. Однако самое важное в этой связи - специфика борьбы за власть и её удержание [6, с. 15]. Очевидно, что в условиях демократического политического режима такая борьба характеризуется участием в ней широких масс населения, ориентацией на его интересы, предпочтения и пр., ведь демократия является отражением народовластия как в буквальном, так и в переносном смысле этого слова.

Стоит обратить внимание на некоторую трансформацию представлений о демократии в публично-политическом дискурсе, которая прослеживалась, например, в риторике Президента РФ с 2000 г. Практически во всех президентских посланиях вопросам демократии уделялось особое внимание. Но если первоначально основной акцент делался на фундаментальном характере демократии, её связи с свободой СМИ, устойчивой экономике, сильном государстве, диалоге между народом и властью, то со временем акценты стали несколько изменяться: подчёркивалась самобытность российской демократии, особая роль суверенитета; изредка акцент делался и на политическом плюрализме. Приблизительно с 2012 г. взгляды на демократию, исходя из содержания президентских посланий, стали трансформироваться довольно заметно: внимание концентрировалось на соблюдении законов, правил и норм, развитии политической системы. При этом высказывается мнение о том, что понимание сущности демократии в президентских посланиях с 2012 г. стало сужаться, причем существенно [5].

Можно сказать, что послания Президента Федеральному Собранию стали выражением политического аспекта демократии, который во многом определяется не законом, а именно политическими реалиями и, зачастую,

потребностями и приоритетами субъектов, реализующих власть. Поэтому можно заключить, что возможности более вольно, более субъективно трактовать демократию складываются именно в политическом дискурсе, нежели юридическом.

То есть зависимость понимания демократии от политической риторики очевидна. Поэтому не случайно подчёркивается, что какого-то единого идеального политического режима ни в целом, ни применительно к конкретному государству, не может быть [2, с. 23].

Признавая важность наличия как правовой, так и политической составляющей, согласимся с высказываемыми в литературе мнениями о том, что демократия не одинаково понимается с точки зрения политики и с точки зрения права [6, с. 96-97]. Если говорить о праве как составляющей демократии, то принципиальную роль играют приёмы, средства, методы, с помощью которых осуществляется государственная власть. Очевидно, что эти методы должны быть законными, обоснованными с точки зрения юриспруденции и прав человека.

Что же касается политической составляющей, то она отражает скорее состояние политической системы, в том числе и в контексте осуществления государственного управления, протекания политических процессов, в рамках которой происходит борьба за власть. В таком случае формальный аспект становится менее важным и на первый план по своей значимости выходят властные интересы и фактические возможности их обеспечения, которые в условиях реальной демократии обеспечиваются.

Нельзя не обратить внимание на Основной Закон страны, то есть Конституцию РФ [1], ряд норм которой является непосредственным отражением роли как правовой, так и политической составляющей демократического режима. В ст. 1 Конституции за Россией формально закрепляется статус демократического государства, причём правового, имеющего республиканскую форму правления. В этой норме однозначно признается особая роль правовой составляющей демократии. Она подтверждается и в ряде других норм, в

частности в ст. 2, где говорится о ценности прав и свобод человека и гражданина. В ст. 4 роль правовой составляющей подчёркивается через признание верховенства Конституции и федеральных законов на всей территории страны.

Что же касается политической составляющей, то она выражается главным образом признанием народа источником власти в ст. 3 Конституции РФ. Политическая составляющая прослеживается и в ряде других конституционных норм, в частности, в ст. 13, декларирующей политическое многообразие и многопартийность.

Несмотря на тесную и даже неразрывную взаимосвязь политической и правовой составляющих в демократическом государстве, нельзя данные составляющие не разграничивать, особенно если учесть, что в отдельных исследованиях на юридических аспектах внимание практически не акцентируется, а говорится именно о политической проблематике; правовой аспект если и затрагивается, то исключительно в контексте Основного Закона страны и тех вопросов, которые касаются защиты интересов тех или иных политически значимых субъектов, распределения сил между ними, конкуренции и т.д. [4]. В таком случае вопрос обычно рассматривается с позиции защиты именно конкретных интересов, а также в аспекте эффективности функционирования тех или иных демократических политических институтов.

Здесь нельзя не обратить внимание на то, что сам по себе феномен демократии является не только многоаспектным в общетеоретическом смысле, но и во многом специфичным ввиду условий каждого конкретного государства, в том числе и Российской Федерации, где демократия имеет явную специфику, подчёркиваемую в научных исследованиях [4].

Заключение

Политический и правовой элементы, таким образом, являются неотъемлемыми составляющими демократического режима применительно к современному пониманию государства. Причем данные составляющие находятся друг с другом в неразрывной связи. Но в полной мере объединять их

не представляется возможным, поскольку правовой компонент является более жестким, более конкретным, обусловленным действующими нормами законодательства, в то время как политический можно рассматривать как более гибкий, в большей мере отражающий динамику политической ситуации.

Наличие указанных составляющих присуще любому государству вне зависимости от его демократического или недемократического характера. То есть правовой элемент имеет место и в недемократическом государстве. Но если демократическое государство является правовым, то недемократическое не может быть охарактеризовано как правовое, даже несмотря на наличие правового компонента, в чем состоит определенный парадокс. Изложенным обуславливается вывод о приоритетной роли правовой составляющей демократического режима.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Грачев Н.И. Политические режимы: к вопросу о содержании понятия и основаниях классификации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1(132). С. 15-24.
3. Данилова И.П. Социально-философский анализ роли институтов демократии в обеспечении устойчивости гражданского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2009. 22 с.
4. Демократия в российском зеркале: монография / ред.-сост.: А.М. Мигранян, А. Пшеворский. М.: МГИМО-Университет, 2013. 519 с.
5. Захарова О.В. Трансформация понятия «демократия» в ежегодных президентских посланиях Федеральному собранию РФ (2000-2018) // Политическая наука. 2020. № 2. С. 110-125.

6. Нагалина М.В. Правовой концепт современного демократического режима: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 177 с.
7. Рожкова З.И. Проблема функциональности демократии: новые теоретико-методологические подходы: дис. ... канд. полит. наук. М., 2022. 182 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Grachev N.I. Politicheskie rezhimy': k voprosu o sodержanii ponyatiya i osnovaniyax klassifikacii // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2020. № 1(132). S. 15-24.
3. Danilova I.P. Social'no-filosofskij analiz roli institutov demokratii v obespechenii ustojchivosti grazhdanskogo obshhestva: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Tomsk, 2009. 22 s.
4. Demokratiya v rossijskom zerkale: monografiya / red.-sost.: A.M. Migranyan, A. Pshevorskij. M.: MGIMO-Universitet, 2013. 519 s.
5. Zaxarova O.V. Transformaciya ponyatiya «demokratiya» v ezhegodny'x prezidentskix poslaniyax Federal'nomu sobraniyu RF (2000-2018) // Politicheskaya nauka. 2020. № 2. S. 110-125.
6. Nagalina M.V. Pravovoj koncept sovremennogo demokraticeskogo rezhima: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2025. 177 s.
7. Rozhkova Z.I. Problema funkcional'nosti demokratii: novy'e teoretiko-metodologicheskie podxody': dis. ... kand. polit. nauk. M., 2022. 182 s.

CONTENTS

5.1.3. Private law (civil) sciences	9
Shoshin S.V. ON SOME DIFFICULTIES IN PROTECTING THE PROPERTY RIGHTS OF A BONA FIDE VEHICLE ACQUIRER	9
Shidlovsky A.V. INFORMAL PERSONAL RELATIONS AS A BASIS FOR RECOGNIZING A PERSON AS CONTROLLING AN ORGANIZATION	20
Chugunov A.A. CHALLENGING THE UNJUSTIFIED REFUSAL OF THE INSURER TO PAY INSURANCE COMPENSATION UNDER THE CTP AGREEMENT	31
Uglitskikh D.V. ON SOME LEGAL RISKS OF A RESIDENTIAL TENANT	41
Ray I. PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF REQUIREMENTS TO THE PROCEDURE FOR CONCLUDING A LOAN AGREEMENT	53
5.1.5. International Legal Sciences	63
Naumov V.V. TRANSFORMATION OF THE CONSTITUTIONAL COURT'S POSITION ON THE POSSIBILITY OF EXECUTING DECISIONS OF INTERNATIONAL AND FOREIGN COURTS IN RUSSIA.....	63
Liu Yu-S. DEPRIVATION OF CITIZENSHIP: AN INTERNATIONAL LEGAL ASPECT	75
Lo TS-I. PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF ARTIFICIAL ISLANDS	86
Clark V. NON-STANDARDIZED INTERNATIONAL CONTRACTS: CONTROVERSIAL ISSUES OF EVALUATING THE LEGAL FORCE	96
5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.....	108
Daishutov M.M. DISPUTABLE ISSUES OF DETERMINING THE MOMENT OF OCCURRENCE OF A LEGAL RELATIONSHIP	108
Gavriilides T. ON THE PERMISSIBILITY OF EXCEPTIONS TO THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF MEN AND WOMEN IN THE FRAMEWORK OF LEGAL LIABILITY REGULATION	119
Johurun J.N. DIFFERENCES IN UNDERSTANDING THE CATEGORY OF "JUSTICE" IN THE CONTEXT OF SOCIALIST AND CAPITALIST LEGAL DOCTRINES	131
Klechkovska A. POLITICAL AND LEGAL ELEMENTS OF THE DEMOCRATIC REGIME	142